

Анна Музафарова

РОМАН-МОТИВАТОР

ЙОГА

ДЛЯ ИСТИННОЙ
ЖЕНЩИНЫ

То, что меняет жизнь

#больше себя любить

#главное – спокойное
сознание

#я чувствую себя
всемогущей

Это челлендж. Роман-мотиватор

Анна Музафарова

Йога для истинной женщины

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)бя43

Музафарова А.

Йога для истинной женщины / А. Музафарова — «Эксмо»,
2019 — (Это челлендж. Роман-мотиватор)

ISBN 978-5-04-104914-0

Кате, молодой, симпатичной, умной девушке, с детства твердили: «учись на пятерки», «работай честно и много», «не думай о себе – это эгоизм», в общем, будь Золушкой и все сложится. Она честно старалась успевать за вечно поднимающейся планкой, но в результате ее не ценили, и появилось чувство ужасного одиночества и собственной несостоятельности. Наташа рано осталась вдовой и, полностью посвятив себя детям, к своим тридцати восьми годам превратилась в обрюзгшую тетку. Красавица Тамара потеряла любимого мужа, внутренне заледенела и никак не может впустить в свою жизнь любовь. Все три героини так или иначе приходят к йоге, и жизнь их постепенно меняется.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)бя43

ISBN 978-5-04-104914-0

© Музафарова А., 2019
© Эксмо, 2019

Анна Музафарова

Йога для истинной женщины

– А теперь опустите правую руку за спину, левую под бедро и соедините ладони.

«Что?!» – едва не вырвалось у Кати. Все тело дрожит от напряжения, левое бедро того гляди вообще отвалится, а она хочет – что? Чтобы руки *куда*? Ненормальная, что ли?

Инструктор поймала ее взгляд и безмятежно улыбнулась, без малейшего усилия соединив руки в замок в какой-то совершенно космической позиции и откинувшись на собственном бедре, как будто то сделано из железобетона.

– Попробуйте расслабиться в этой позе, – посоветовала она.

Кате не хотелось расслабляться. Кате хотелось убивать. Пропади оно все пропадом, подумала она. Йога эта, эта Тамара, которая ее сюда отправила, инструкторша эта проклятая, самое ей место в пыточной камере в застенках инквизиции лет этак пятьсот назад. Да кто вообще все это изобрел? За что? Вышла, называется, на новую работу, раскрыла горизонты сознания. Сидела бы дома, варила борщи, гладила бы котика, никто бы не издевался так над телом...

Катя попробовала опустить руку за спину, закусил губу. Попробовала потянуться под бедро левой рукой и чуть не загремела носом в пол.

– Да как это вообще возможно? – проворчала она, собираясь с духом поднять колено с пола. Боже, какое это счастье – опустить колено на пол. Она никогда не знала, что есть такое счастье. – У меня рука так не выворачивается.

– Попробуйте еще раз, – посоветовала инструктор с невозмутимостью, которая должна быть уголовно наказуема. – Только медленно. Не забывайте дышать.

Катя с детства привыкла уважать старших и слушаться. Родителей, учителей, руководителей. Она никогда не была бунтаркой. Кто же знал, что, дожив до двадцати семи лет и придя в класс «расслабляющей практики» – вот же чувство юмора у кого-то, – ей нестерпимо захочется не только огрызнуться, а прямо-таки начать кулачный бой. Ну и что, что силенок мало, инструктор небось тоже невелика ростом и комплекцией, уж как-нибудь одолеем. Злость – великая сила.

Катя посмотрела на железобетонное бедро в легинсах с оскалившейся черной богиней Кали и как-то обреченно выдохнула. Скрипнув зубами, подняла колено с пола, добровольно вернувшись в пыточную позицию. Попробовала опустить руку.

Инструктор вышла из позы одним плавным движением, сильная и грациозная, как сытая пантера на прогулке, и подошла к Кате. Катя посмотрела на идеальный педикюр и колечко на втором пальце и тихонечко вздохнула, в который раз остро ощутив собственную неполноценность.

– Сейчас все получится, – мягко сказала инструктор и бережно отвела Катину руку назад. Что-то шершавое коснулось ладони. – Это ремешок, захватите.

Катя послушно схватила рукой широкий ремень. Инструктор протянула ремешок, пока Катя не смогла захватить его и второй рукой. Мягко, но уверенно инструктор направила Катин корпус выше и влево, пока он не оказался ровно над бедром. Катя ахнула от удивления. Она по-прежнему чувствовала напряжение в бедре, но держать позу вдруг стало заметно легче. Небо и земля, насколько легче.

– И все? – не сдержавшись, спросила она.

– И все, – весело подтвердила инструктор, направляясь в обход зала, аккуратно корректируя позиции других учеников.

– Но ведь руки не соединяются, – недоуменно пробормотала Катя. – И я высоко.

– Ну и что? Зато спина теперь ровная, целостность асаны сохранена. Постепенно плечевой пояс раскроется и руки соединятся. Это не главное.

Главное – спокойное сознание. Принимайте свое тело там, где оно есть, а не там, где вам хотелось бы, чтобы оно было.

Это просто. Это очень просто, подумала Катя, все еще под впечатлением от внезапной перемены. Неужели это может быть так просто и при этом работать?

– Молодцы, аккуратно выходите, ладони на пол – «Собака мордой вниз».

«Собака мордой вниз» тоже давалась Кате непросто, руки дрожали, спина не вытягивалась, пятки не опускались. Но сейчас она совершенно об этом забыла, оттолкнулась руками и потянула что было силы копчик вверх – просто чтобы спине стало приятно.

– Прекрасно, – донесся из глубины зала голос инструктора. – Пять вдохов, пять выдохов. Ровное, свободное дыхание.

Катю вдруг накрыло волной какого-то удивительного спокойствия. Да, у нее дрожат руки, а ладони разъезжаются. Да, она не может простоять так минуту или две. Но она может сделать пять ровных вдохов и пять ровных выдохов – и это все, что от нее требуется прямо сейчас. А если она упадет, мат близко, он поймает. Она улыбнулась и оттолкнулась руками с удвоенной энергией.

– Направьте колени в стороны, таз к пяткам, лоб к полу – отдыхаем.

Как, уже? Посмеявшись над собственным удивлением, Катя опустила в позу отдыха. Все тело слегка дрожало, как будто под воздействием какого-то веселящего тока. Руки и ноги вибрировали от желания двигаться, которое застало Катю врасплох.

Последний раз она испытывала что-то подобное в далеком детстве – этот импульс, пробегающий по всему телу, сдувающий с места, требующий бежать, играть, прыгать, лезть на дерево, танцевать – просто так, от радости.

Она забыла, что так бывает. От удивления Катя засмеялась, тихонько, чтобы не потревожить соседей, но остановиться не могла.

Рука инструктора мягко опустилась Кате на спину между лопаток.

– Смех – хорошая реакция, – сказала она. – Не удерживайте его внутри.

Мало того, что у нее бедра железобетонные, так она еще и мысли читает. Даже эта мысль вызвала только улыбку. Катя до сих пор не понимала, зачем Тамара отправила ее сюда и как это должно помочь с ее проблемой, но это больше не имело значения. Она знала в этот момент с абсолютной уверенностью, которая так редко посещала ее в жизни, что придет в этот класс снова. Даже если он никакого отношения к решению ее проблем не имеет, она придет сюда, чтобы почувствовать это еще раз. И еще раз, и еще. И не важно, как коряво у нее получается или что подумают о ней соседи по залу. Совершенно не важно.

Когда Кате было восемь лет, отец впервые забрал ее из школы. В первом классе ее поначалу забирала мама, потом, поддавшись Катиним уговорам, перестала. До школы было рукой подать, да и подружки шли в ту же сторону. Поэтому, увидев отца, зависшего, как призрак, возле ограды, Катя удивилась и даже подумала, что отец, наверное, пришел не к ней – наверное, у него было тут какое-то дело. Он всматривался с неуверенным прищуром в стайки ярко одетых детей, выпорхнувших на волю после долгого дня занятий, как будто не был уверен, что найдет знакомое лицо. Вдруг не узнает, подумалось Кате, и почему-то это было стыдно. Она почти собралась помахать, но спохватилась в последний момент – вдруг не из-за нее он здесь все-таки, будет позорю, если начнет кричать «Папа!» как маленькая.

Она почти протоптала дырку в газоне, пытаясь высчитать, как все-таки правильнее будет поступить, когда он ее заметил, и выражение облегчения промелькнуло по его лицу.

– Катюха! – Он помахал ей рукой – неловкий, скованный жест.

Катя неуверенно приблизилась, мысленно перебирая события дня. Пятерка по математике, но четверка по русскому. «Родной язык надо знать, Катерина». Ругаться будет. Она прикусила губу, подходя ближе.

– Вот и ты, – как-то странно сказал он и ухватил ее за плечо. Отпустил. Ухватил снова. Внезапно, устремив взгляд в пространство, сказал скороговоркой: – Катя, мама умерла. Больше нет мамы.

Катя моргнула от неожиданности и кивнула головой, поняла, мол. Она ничего не понимала. Все слова были знакомыми, но не имели никакого смысла.

Отец что-то еще говорил, бормотал больше, про какого-то пьяного водителя и «уродов, выдавших ему права», но Катя ничего не понимала, только кивала, потому что отец смотрел на нее, как будто требовал ответа. Как только их глаза встречались, он отводил взгляд и снова начинал бормотать.

Потом была больница, длинные коридоры и странный, затхлый запах, высокий мужчина – мятый белый халат, бледно-зеленая пижама – врач, огромная женщина-медсестра, резкий, громкий голос: «Вам не сюда на опознание, мужчина». Ее взгляд падает на Катю. «Ребенка-то зачем притащил?»

– Ты подожди здесь, Катюха, – сказал отец каким-то сиплым голосом. – Посиди тут на лавочке, никуда не уходи, поняла?

– Поняла, – кивнула она, но так и пошла за ним, потому что руку-то он не отпустил, просто забыл о ней.

Катя не понимала происходящего. Мама умерла, да. Зачем они теперь в больнице? Пока доехали, пока ходят здесь, а ведь у нее домашнее задание и контрольная по английскому завтра, а она еще глаголы не выучила, отложила на последний день. Надо ведь обязательно успеть сделать до ужина, чтобы помочь маме накрыть на стол. Или... как теперь? Маму не ждать, самой накрывать? А если она неправильно накроет, кто же скажет...

Катя вдруг остановилась и села на пол прямо в коридоре, рука безвольно выскользнула из руки отца. Он не заметил, слепо пошел дальше, увлекаемый человеком в мятой зеленой пижаме, от которого противно пахло сигаретами.

Катя долго просидела на полу, пока мозг увлеченно перебирал все эти внезапные «больше не». Мама больше не заплетет косички, не обнимет перед сном, не испечет пирог, не поможет нарисовать аиста, не засмеется над Катиными рожицами, не, не, не...

Пришла толстая сестра, от которой пахло чем-то сладким, увела Катю в комнату с белыми стенами и телевизором и усадила на диван. Она все время что-то говорила, но Катя не слушала, хотя это неуважительно, взрослых надо слушать всегда. Она моргнула, а когда открыла глаза – перед ней была тарелка с большим куском кремowego рулета и чашка с горячим чаем. Чай был слишком черный и без сахара, а рулет был розовый, наверное, вишневый, и Кате вдруг нестерпимо его захотелось. Она начала есть, стараясь быть аккуратной, не крошить и даже искала взглядом салфетку, чтобы положить на колени, как мама показывала. Она облизнула губы, и рулет показался ей странно соленым.

Внезапно дверь распахнулась. На пороге стоял отец, и взгляд его впился в Катю и в недоодеженный рулет на тарелке, и Кате вдруг стало нестерпимо стыдно, что она тут ест сладости, пока там – пока...

– Идем, – сказал отец. – Давай быстро.

Кате хотелось сказать медсестре спасибо, но она постеснялась. Отец схватил ее руку почти резко, до боли сжав косточки в ладони. Катя не ойкнула, только попыталась и его крепче держать, пока они шли к выходу.

На ступеньках отец остановился, посмотрел под ноги, потом на далекий нахмурившийся горизонт и, наконец, на Катю, увидев ее, как ей показалось, впервые за этот странный день. Плечи его опустились.

– Теперь только ты и я, Катюха. Только ты и я.

Катя кивнула.

– Ну вот, а это как раз твое рабочее место, – прошептала Алина, указав Кате на стандартный офисный стол уголком, девственно чистый, если не считать монитора и клавиатуры. – Устраивайся, IT-инструктаж у тебя в час, они тебе подключат почту и серваки, тогда введем тебя в систему. Туалет в конце коридора, чай-кофе вон в том углу, кулер за стойкой. Столовая внизу, ну да мы за тобой придем, не волнуйся. Если есть вопросы, я сижу через ряд.

Катя улыбнулась, стараясь держаться увереннее, чем себя чувствовала.

– Спасибо большое. Если что, я подойду.

«Устраивайся» – это только звучит хорошо. По Катиному опыту, первый день на новой работе – это всегда праздник неловкости, когда тебе еще нечего делать, и ты пока никого не знаешь, а выглядеть уже нужно профессионально и сосредоточенно. Она осторожно опустилась на стул и проверила, на месте ли все колесики. На первой своей работе она так села и тут же очутилась на полу. На этот раз стул не подвел. Катя поставила сумку на стол, но тут же схватила ее обратно, попробовала убрать в ящик стола, как рекомендовала статья по деловому этикету, но размеры сумки были гораздо внушительнее скромных возможностей ящика. Пришлось поставить на пол. Как на вокзале – припомнилась ей безжалостная фраза автора статьи. Катя прикусила губу.

Вокруг нее офис жил своей жизнью, звонили телефоны, шуршал листами принтер, где-то слева и сзади звонкий женский голос громко вопрошал, с каких это пор некто Василицын считал себя экспертом по детскому питанию. Раздался смех. На Катю никто не обращал внимания, даже не смотрел в ее сторону, как будто она была невидима. И в этом невнимании не было чего-то колюче-враждебного, не было даже ощущения, что все это нацелено на нее. Просто жизнь шла мимо, а Катя оставалась в стороне. Она и хотела бы включиться, влиться в общий бурный поток, но не знала, как. Другая бы прошла по комнате, представилась коллегам и за час уже была бы в курсе, у кого дети в какой класс ходят, кто на диете, а кто в прошлом году покорял Килиманджаро.

Катя же сидела на стуле как приклеенная, перелистывая свой ежедневник, всматриваясь в него с таким интересом, как будто хотела обнаружить тайны бытия на его страницах. Желудок сжался в тугий комок, и, как она ни старалась выпрямиться, плечи упорно опускались. Со вздохом она прикрыла на секунду глаза.

Примерно такое же чувство она испытала неделю назад, гуляя на свадьбе подруги. День получился замечательным, волшебным и веселым. Динара светилась изнутри, а Димка не отводил от нее взгляда, только что вилку мимо рта не проносил. И все было легко и радостно, пока отец невесты не начал говорить свой тост. «Динарочка всегда была особенная, – осипшим от эмоций голосом сказал он. – Никак не хотела играть с другими в детстве, все больше сама. Я так рад был, что у нее появились подружки, особенно такие хорошие девчонки, как вы, мои родные. Сколько лет уж вместе, поддерживаете друг друга, помогаете. Я до вас и не верил толком в женскую дружбу, но вы меня переубедили. Добрые, хорошие, все красавицы. Очень я рад, что вы у Динары есть. И хоть из вас из всех она у меня последней выходит замуж – и я волновался по этому поводу, не скрою, но сейчас вижу, было, зачем ждать. Дмитрий, смотри, большая ответственность на тебе...»

Дальше Катя, признаться, пропустила много мимо ушей, потому что не последняя Динара выходила замуж. Была ведь еще и Катя, и добро дяде Ринату об этом не вспомнить, но все подружки уставились на нее как по команде, включая невесту. Дима, и тот посмотрел. Динара глазами так сделала, терпи, мол, и прости, ну папа, что с него взять. Катя улыбнулась и головой покачала, но внутри вдруг стало жарко-жарко и едко так, как будто кислоту разлили. Кожей почувствовала, как на нее другие гости смотрят. На торт даже смотреть не смогла, во рту сладко, а в глазах слезы.

И не то чтобы ей так уж сильно хотелось замуж. Но вроде бы время пришло и даже чуть ли не прошло – шутка сказать, двадцать семь стукнуло в прошлом месяце. Родители ее поженились на пятом курсе, подружки тоже не тянули, пару лет как институт закончили и нет-нет да повыскакивали замуж. Даже бунтарка Машка остепенилась, кольцо из губы вынула (в носу оставила, правда), курить бросила и вон, снова круглая, как головка французского сыра, дома сидит, второго ждет.

А Катя и рада бы поддержать компанию, но все не получается. Ей всегда было тяжело с мальчиками. Хихикать и глазки строить – это целая наука, которой никто не научил, а своего таланта не досталось. Как в классе ритмики когда-то в детстве учительница наблюдала-наблюдала за ее мучениями и в конце урока не выдержала, вздохнула: «Как же ты, деточка, такая деревянная...» Катя так и чувствовала себя всю жизнь – деревянной. Учиться на пятерки было легко, усидчивости и ответственности хоть отбавляй. Дом всегда чистый, опрятный, чтобы отец, проведя пальцем по полке в гостиной, не увидел пыли. Готовить даже научилась сама, потому что от сосисок тошнило, да и отец скучал по маминой кухне. У Кати не получалось, как у мамы, по его словам, но эту планку было не покорить, и даже отец признавал, что Катина еда лучше замороженных обедов.

Любая область, где нужно было приложить усилия и честно поработать, покорялась Кате прекрасно. Но в отношениях с противоположным полом усилиями и умом не преуспеть, и тут Катя терялась совершенно. На школьных дискотеках жалась по углам. В клубах, куда подружки таскали в институте, было немногим лучше. Как посмотреть, что сказать, говорить ли вообще, а не странно ли это – Катя чувствовала себя инопланетянкой в совершенно непонятном мире.

Ухаживавший за ней на втором курсе аспирант был почти таким же робким, как и Катя. Он водил ее в «Макдоналдс» и увлеченно рассказывал о новом эпизоде «Звездных войн» и о своей диссертации, что-то там про физику элементов. Когда дело дошло наконец до постели, все произошло так быстро и сумбурно, что Катя не поняла даже, что все уже закончилось. Катя поморгала растерянно в ответ на неожиданный вопрос: «Ну что, тебе понравилось?» – и медленно кивнула, потому что чувство неловкости и какого-то странного то ли стыда, то ли веселья зашкаливало. Очень хотелось засмеяться, но пришлось бы объяснять, а она и сама не понимала, что смешного, только догадывалась подспудным чутьем, что нанесет обиду, и пересилила себя. Они встречались полтора года, а потом он сказал: «Мне нужно сосредоточиться на науке», и Катя должна была расстроиться, но почему-то только облегченно вздохнула.

Два года спустя на дне рождения подруги познакомилась с Валерой. Он красиво ухаживал, дарил цветы, подвозил домой, приглашал на ужин в дорогие рестораны. Катя смущенно улыбалась, принимая букеты – цветы почему-то почти никогда не пахли, хотя были безупречно прекрасны. В ресторанах Катя чувствовала себя неуютно. Как бы тщательно она ни подбирала одежду, ей никогда не удавалось выглядеть «на уровне». Света одолжила свое платье Prada, но и это не помогло, хотя взгляд Валеры так и загорелся. Катя чувствовала себя самозванкой, и ей казалось, что все посетители ресторана видят ее насквозь.

С одной стороны, секс с Валерой был намного лучше. Не фейерверки в небе, конечно, как расписывала Маша, но все-таки. Другое дело, что – в те редкие моменты, когда Катя позволяла себе в этом признаться – с ним было невыносимо скучно. Поначалу она думала, что он поддерживает разговор исключительно на общие темы из вежливости, а мнения ее спрашивает из уважения. Но со временем поняла, что у Валеры просто не было как таковых интересов и увлечений, а вопросы он ей задавал в том же режиме, в каком другие люди переключают радиостанции – ищут что-то под настроение. Единственный его интерес – тяга к дорогим вещам, ресторанам и образу жизни – не вызывал у Кати никаких эмоций.

«Прояви инициативу, – посоветовала ей та же Света. – Пригласи ты его куда-нибудь. Красивый, статный парень – надо же просто правильно окучить».

Катя не очень понимала в «правильном окучивании», но идти в очередной «Савой» не хотелось, и она позвала Валеру на скалодром. На линии повисла странная пауза, и Кате пришлось повторить вопрос.

«Да нет, я тебя слышал, – странным голосом произнес Валера. – Ну, если хочешь».

Ох, не надо было этого хотеть. Валера приехал с работы в дорогом костюме. Пока инструктор показывал, как закрепить страховочное снаряжение, Валера бледнел, краснел и шипел от малейшей складки, обозначившейся вдруг на идеально отглаженных брюках. Катя попыталась его отвлечь, но Валера ее как будто не видел, а когда она пошутила, что, мол, даже слегка помятый, он все равно одет лучше, чем все остальные посетители вместе взятые, он посмотрел на нее так зло, что Катя отшатнулась.

Дальше дело не улучшилось. Катя, не отличавшаяся особой ловкостью, тем не менее цепко держалась за опоры, а когда срывалась, только смеялась от удивления. Валера же лез вверх с таким упорством, как будто собирался покорять Эверест, ноги то и дело соскальзывали, мышцы на руках напрягались, но, как ни старались, не могли его поднять далеко, рубашка из тончайшего хлопка с добавлением шелка прилипла к спине от пота.

Удивительно, но, чем больше злился Валера, тем хуже Катя себя чувствовала. Руки, только что уверенно захватывавшие выступы, вдруг слабели и отказывались работать, ноги не могли найти опору. Пришлось вернуться вниз с полпути. Она и Валере предлагала, раскаявшись в своей затее, но он только упрямо покачал головой и, сцепив зубы, полез выше.

Катя долго лежала спиной на мате, глядя вверх. Вместо железных балок купола она воображала голубое небо и пушистые белые облака, проплывающие вдаль. Постепенно возбужденные голоса скалолазов-любителей, сигналы инструкторов, звуки вентиляции и шелест тросов слились воедино и исчезли, оставив Катю одну между землей и небом, без единого якоря, связывающего ее с происходящим.

Когда Валера спустился наконец вниз, его лицо раскраснелось от физической нагрузки. Он тяжело дышал, но выглядел почти воодушевленным.

«Ты видела? Нет, ты видела? Я все-таки ее достал! Положил руку на самую макушку».

Катя призналась, что не видела. За обратный путь Валера не сказал ей ни слова.

Их роман развивался медленно, а сошел на нет внезапно, как будто захлопнули ворота. Катя грустила, но больше не о Валере, а о том, что опять ничего не получилось. Ведь могла бы, если бы захотела. Ведь парень был не парень, а мечта – на три года старше, с квартирой, машиной, работой, порядочный, ответственный, собой хорош, опять же. Просто мечта родителей, хотя Катиному отцу Валера почему-то не нравился. И дело было не в скалодроме, конечно, скалодром можно было «отработать». Но в Кате как будто сломалось что-то в этот момент, и не захотелось ей ничего отрабатывать.

«Не любила ты его, вот и все, – вынесла вердикт Света, а Маша с Динарой согласно кивнули. – Ничего. Когда влюбишься, увидишь – все по-другому будет».

Катя кивнула, не столько согласившись, сколько приняв к сведению, убрала новый факт на дальнюю полку где-то между оптимальным методом хранения свитеров в шкафу и таблицей умножения. И притаилась в ожидании.

После Валеры были еще Паша и Антон, но их даже и романами-то было нельзя назвать, так, встретились пару раз, в кино ходили, в боулинг поиграли. И пропали. Паша молча, а Антон позвонил и как-то невнятно объяснил, что не кликнуло, мол, ты хорошая девушка, Катя, но...

Катя переживала, но не столько от личной обиды, сколько от крепнущего убеждения: со мной что-то не так.

Другие влюбляются направо и налево, ветер подул – все, готово дело, бабочки в животе, розовые очки на глазах, романтика в воздухе. А Катя все думает, думает. Встретит кого-то и думает, и понять не может. Причем не то чтобы в очередь к ней женихи стояли, отнюдь. Нет у нее страстных черных очей, как у Динары, или четвертого номера, как у Светы – перед такой грудью двери сами открываются; нет ни осиной талии, ни хрупких плеч, как у Маши. Катя – обычная, из таких, про кого говорят: «Ничего особенного». Симпатичная, но таких миллион. Нет в ней изюминки, какой-то загадочности, того самого *je ne sais quoi*, которое заставляет мужчин оборачиваться вслед.

Катя всегда это понимала. Были у нее какие-то иллюзии в детстве, но закончились годам к четырнадцати. Она помнила этот момент с отчетливой ясностью – как крутилась перед зеркалом и так и эдак, собираясь на вечеринку к подруге. В новом платье, впервые в жизни с помадой, все вертелась и что-то поправляла, никак не могла привыкнуть к себе, полувзрослой и какой-то совсем другой. Отец оторвался на минуту от газеты, посмотрел на ее старания и сказал: «Да не выпендривайся ты, иди уже. Посадила мать лютик, вот и цветы, нечего орхидею из себя строить».

Отец был прав, конечно, но Катя ужасно расстроилась. Хочется же быть орхидеей, а кому в четырнадцать-то лет не хочется? И в двадцать хочется, и в тридцать, наверное, будет хотеться. Ведь не сразу понимаешь, что никакие журналы, никакие tutorиалы на Ютубе, и никакой бюджет не превратят тыкву в «Мерседес», а Катю в роковую красавицу. И, хоть и горько было себе в этом признаваться, Катя постепенно привыкала.

Другое дело, что компенсировать было нечем. Катя сообразительная, но не настолько, чтобы взяли в «Что? Где? Когда?» или, к примеру, ракеты строить. Пробовала она быть доброй, как Белоснежка, но выходило не очень. С «золотым сердцем» как-то не складывалось – если наступали на ногу в транспорте, злилась, если лезли перед ней без очереди – тихо закипала, а если отец критиковал котлеты или называл лютиком – расстраивалась. Как ни пыталась она воспитать у себя щедрое сердце, не получалось. Иначе влюблялась бы не только в бездушного Шерлока в исполнении Бенедикта Камбербэтча, но и в Пашу вот или в Антона.

«У тебя слишком высокая планка», – заключала Света.

Маша пожимала плечами: «Да просто не нужно это тебе пока».

Динара обнимала и предлагала познакомить с очередным другом Димы, который и Шекспира читает, и под гитару поет. Вскоре, правда, выяснилось, что поклонник Шекспира видел книжку в детстве и помнит по обложке, а единственная гитара в доме – та, что от видеоприставки, но Динара была большой поклонницей теории, что за количеством рано или поздно последует качество.

Катя начала уклоняться от обсуждения своей личной жизни, что было несложно. Жизнь подруг настолько изобиловала событиями, что недостатка тем для разговора они никогда не испытывали, а слушала Катя хорошо. К тому же были и плюсы в ее ситуации – не пропадали свидания, если она задерживалась на работе, не нужно было оправдываться, если приходилось работать в выходные, а работала Катя много.

Но и на работе не все шло гладко. Работала Катя, а повышали почему-то коллег. Вот и на последней работе получилось ужасно несправедливо: Катя целый год проект готовила, не жалела ни вечеров, ни выходных, даже партнеров нашла, хоть и сложно ей всегда было с незнакомыми людьми, но уж очень горело. В конце года даже босс отметил, как он гордится реализованным проектом и как все хорошо поработали. Вот только премии получили почему-то все, кроме Кати. Она не за премию работала, конечно, но ощутила несправедливость, как пощечину. До такой степени было обидно, что даже собралась с духом и пошла в отдел кадров разбираться. Директор по кадрам посмотрела на нее с большим удивлением: «Как, а ты разве тоже участвовала в проекте?»

Подруги бушевали от возмущения и требовали, чтобы Катя отстаивала свои права. Но Катю при мысли о том, что надо кому-то доказывать свою компетентность, бросало в краску. Может, и правда, если руководство не видит и не ценит, значит, просто недостаточно хороша? Это в общем правильно, что Катя не орхидея. Слава богу. На орхидею всегда все смотрят, а Катя под напором чужого внимания только что дар речи не теряет. Вот и получилось, что о ходе работы докладывала всегда болтушка-хохотушка Лиза, а на брифингах Катины идеи зачитывал своим хорошо поставленным звучным голосом Паша. Они-то точно знали, сколько Катя на себе протащила. Но и они промолчали, и это кажущееся предательство коллег стало последней каплей. Катя положила заявление на стол.

На новом месте все должно быть по-другому. Это Катя решила твердо. Она не очень понимала, как этого добиться, ведь желудок не перестал сжиматься под пристальным взглядом начальницы, а голос не делался тверже, когда она рассказывала о своих достижениях на собеседовании. (Резюме ей составляли всем миром, потому что, по убеждению подруг, Катя была безнадежна.) Но пришло четкое осознание: так дальше продолжаться не может. Что-то должно измениться, ведь жизнь не может состоять из проглоченных обид, «недовлюбленностей» и котлет, которые никогда, *никогда* не будут такими, как у мамы. Катя не знала, как подступиться к переменам, или даже какую форму они должны принять, но ощущения, что вплотную подошла к критической точке, не теряла.

Было странно сидеть за чистым пока столом, окруженной плавно бурлящим шумом незнакомого офиса, и чувствовать непоколебимую уверенность: так дальше жить нельзя, стоп, баста.

И это было прекрасное чувство, гордое, решительное, распирающее грудь. Но за ним стоял новый вопрос: а как дальше? И вот тут-то и поджидала пугающая бездна неизвестности и тишины, как белое пятно на старой карте, где раньше писали «тут живут чудовища». Заглядывать туда, даже близко подходить было страшно, но пути назад не было.

Катя сделала глубокий вдох и одним движением, в котором было гораздо больше решимости, чем она ощущала, закрыла ежедневник и отодвинула его от себя. Откуда-то из детства вспомнилось: *пора не пора, я иду со двора...* И неизвестно, чем бы все это закончилось, но, к счастью, в этот момент к ней подошел парень из IT-отдела и посмотрел на нее с типичным пессимизмом IT-специалиста. Не отвечая на ее робкое приветствие, он начал бормотать заклинания над ее рабочим столом, вызывая непонятные окна, как демонов из глубин преисподней, и преодоление себя пришлось отложить на потом.

Новые коллеги действительно пришли за ней ближе к двум и повели на первый этаж в кафетерий. Катя приободрилась, день уже не казался ей таким мрачным. В самом деле, не во всяком офисе есть свое кафе – вот ей еще одно подтверждение правильного выбора. Коллеги-рисечеры вели себя дружелюбно, улыбались, расспрашивали Катю про старую работу и, перебивая друг друга, рассказывали рабочие анекдоты про пока неизвестных Кате персон.

Кафетерий немного напоминал школьную столовую, но был чистым, светлым и распространял божественный аромат жареной картошки. Только сейчас, оказавшись перед буфетом, Катя поняла, как проголодалась. Картошечки, да, а еще котлету по-киевски, панировка так и светится, и морс, и десерт, вон тот с кремом, раз коллеги говорят, что вкусно. Катя почти устыдилась своей жадности, но другие набирали ничуть не меньше, Алина еще и пирожок прихватила, а Люда халву.

Они уселись за большим столиком, продолжая шумный разговор, перекидываясь парой слов с проходившими мимо коллегами и попутно поясняя Кате, кто есть кто и чего от них нужно ждать. Катя сомневалась, что в ее скромной позиции аналитика ей придется много общаться со «старшими по званию», но, как обычно, слушала внимательно. Разговор вскоре

перешел на общие темы, и Катя не без облегчения сосредоточилась на вкусной, хотя и немного жирной еде, продолжая поглядывать по сторонам.

И тут вошла Она.

Катя даже есть перестала, вилка застыла на полпути ко рту.

Появившаяся на пороге столовой женщина была поразительной. Сказать, что она была красивой, даже невероятно красивой, значило не сказать ровным счетом ничего.

Она поражала воображение. Темные гладкие волосы элегантной волной спускались по плечу, обнажая справа длинную колонну шеи с безупречной фарфоровой кожей. Густые, идеальной формы брови, тонкий прямой нос, высокие скулы и полная линия губ придавали лицу аристократичности, но даже они отступали на второй план на фоне глаз – огромных, удивительного темно-синего цвета в щедром обрамлении ресниц. Безупречный макияж, естественный маникюр. Безукоризненный стиль, весь образ – от нежно обнимающего фигуру кашемирового свитера до утонченных лодыжек танцовщицы, подчеркнутых формой юбки и высокими, но не безумными каблуками, которые стоили, наверное, больше, чем весь Катин гардероб вместе взятый – был невероятно притягательным и в то же время легким, словно именно в таком виде она встала с утра с кровати.

Катя медленно опустила вилку и даже рассеянно кивнула в ответ на какой-то вопрос коллег, но ее внимание было приковано к невероятной незнакомке. Катя не могла отвести глаз от того, как она двигалась – с достоинством, окружавшим ее как облако, но в то же время удивительно свободно, с природной, незаученной грацией. Катя была не единственной, кто провожал незнакомку взглядом, почти все посетители столовой наблюдали за ней – мужчины открыто, женщины исподтишка. Как только она наполнила свой поднос, молодой человек, сидевший за столиком в центре, подскочил так резво, что чуть стул не опрокинул, торопясь пригласить ее за свой столик. Она улыбнулась, величественно, но в то же время тепло, и покачала головой, сопроводив отказ словами, которых Катя не расслышала. Последовали и другие приглашения, но незнакомка и здесь вежливо отказалась и вместо этого устроилась в одиночестве за небольшим столиком у окна, оставив позади себя шлейф разочарования, щедро сдобренного уважением и восхищением.

«Как она это делает? – билось в голове у Кати. – Да, красива, конечно, но ведь это не все, здесь же что-то еще, что-то, для чего нет даже слова, волшебство какое-то»...

Катя вдруг представила себя рядом с этой красоткой и чуть не засмеялась в голос. Невозможно будет даже поверить, что они принадлежат к одному биологическому виду. Эта женщина олицетворяла собой все, чего Катя так отчаянно хотела и от чего была так бесконечно, безнадежно далека.

– Что, влюбилась? – поддразнила ее Алина тихо.

Катя покраснела, сообразив, что сидела чуть только не с открытым ртом. Коллеги засмеялись, и Катя через секунду присоединилась, приходя в себя.

– Кто это? – спросила она, не в силах сдержать любопытство.

– О, это Тамара Авдеева, ее величество вице-президент по стратегическому развитию, – протянула Алина саркастично. – Звучит гордо, да? Издалека видно, чем она наверх пробивалась.

– Ну зачем ты так, может, у нее мозг есть под всеми этими подтяжками и кутюром, – сказала Люда, разрезая котлету так, что масло брызнуло во все стороны. – Ой, сорри.

– Это она тебя сглазила, – засмеялась Оля, отодвигаясь от Люды на всякий случай. – Она ж ведьма. Напрасно ржете, я вам серьезно говорю. Чуть кто что не так про нее скажет, сразу что-то приключается. Я вот на той неделе сказала, что все только думают, что она с Марьяновым спит, хотя он женат, а она спит и с ним, и с Капотиным. Так у меня в ту же ночь

какие-то выродки колесо прокололи, пришлось в метро бежать, по дороге каблук сломала. А вы все не верите.

– Почему не верим – верим. – Алина пожала плечами и уточнила: – В Капотина. Когда в Сингапур на неделю за счет компании катают, тут сложно не поверить. А вот в порчу твою извини, тут ты сама разбирайся.

– Я слышала, что она раньше стриптизершей работала, – сказала Люда. – В каком-то клубе в Солнцево. Представляете, что там за клубы в Солнцево? А как в тираж вышла, пошла устраиваться куда теплее. Диплом купили, резюме нарисовали, и вот вам, пожалуйста, вице-президент.

– Хм, – протянула Алина. – Не знаю. Я здесь четыре года, и она здесь уже работала, когда я пришла.

– Ну и что? – Люда пожала плечами. – Все равно все сходится. Ей же сто лет. Ты не смотри, что морда гладкая. Были б у тебя такие деньги, как ей за красивые глаза выдают, ты бы тоже пришла в тайский спа, там бы из тебя еще не такую куклу сделали.

– Ей не сто, а сорок два, – сказала Алина. – В прошлом месяце же отмечали, я у эйчарши спросила.

– Ну, это все равно.

Катя не могла поверить в то, что слышала. Какие подтяжки? Какая стриптизерша? Разве они не видят то, что видит Катя? Никакие спа ни за какие деньги не превратят тебя в такую королеву – это же изнутри идет, как же они не чувствуют?

Катя посмотрела на Тамару, которая сидела вообще-то не так уж далеко, а голоса девушки не утруждались понижать. Но если она и слышала пересуды, то никак этого не показывала, а спокойно наслаждалась своим ланчем. Салат какой-то у нее на тарелке, заметила Катя, много зеленого и – фасоль это, что ли? Или какие-то зерна? Катя не помнила, чтобы видела что-то такое в линии раздачи. Рядом стакан воды с ломтиком лимона. Воды, впрочем, Тамара едва касалась. Катя посмотрела вниз на свою плавающую в масле картошку. Хм.

Коллеги перевели разговор на предстоящий брифинг, и Катя наострила уши, но нет-нет и поглядывала на Тамару, как заколдованная. Внутренне она все пыталась примерить слова коллег, но они отскакивали от Тамары рикошетом. А потом без всякого предупреждения Тамара подняла вдруг глаза и посмотрела прямо на Катю, застав ее врасплох. Катя моргнула и покраснела, но прятаться было глупо и недостойно, раз уж поймали. Тамара улыбнулась ей с какой-то понимающей грустью, как будто она слышала все до последнего слова и эти слова ее не задел и не расстроили, а только заставили посочувствовать Кате по какой-то необъяснимой причине. Мгновение растянулось, как смола. Катя чувствовала себя беспомощной, как пойманная в паутину бабочка. А потом Тамара отвернулась к окну и устремила свой бесконечно синий взгляд в хмурое ноябрьское небо. Катя почувствовала, как внутри все сжалось в предчувствии падения, как будто гигант поднял ее внезапно к небесам, а потом так же неожиданно и бездумно разжал пальцы.

– Пойдем, – сказала Алина, выдергивая ее из задумчивости. – Я уезжаю на встречу к клиенту, а мне нужно еще успеть показать тебе систему.

Катя кивнула и поспешно собрала свой поднос. На пороге столовой она обернулась с какой-то непонятной ей самой надеждой, но Тамара не смотрела на нее, она была увлечена разговором с импозантным мужчиной в стильном костюме, который присоединился к ней за столиком. Как странно, подумала Катя. Мужчина был из разряда тех, на ком обязательно, будь на дворе хоть апокалипсис, остановится женский взгляд, но до этого момента Катя его даже не заметила.

– У тебя появился хвостик, – поддразнивающим тоном сказал Алексей.

Тамара посмотрела на него с вопросом, внутренне жмурясь от удовольствия при виде небрежной, мужественной грации, с которой он захватил кресло для посетителей у дальней

стены ее кабинета. Лодыжки перекрещены, руки за головой – сытый лев растянулся на солнце. Ей нравился Алексей. Нравился хитрый прищур, который появлялся в его глазах, когда он был в таком настроении и дразнил ее, будто мальчишка, дергающий за косичку соседку по парте, а не владелец многомиллионного бизнеса. Много можно было простить за этот прищур, даже Сингапур.

Хотя нет. Сингапур, пожалуй, все-таки нет. Пока, во всяком случае.

– Вон же, – Алексей показал подбородком, и Тамара проследила его взгляд сквозь стеклянную стену кабинета в общую комнату. – Девчушка новенькая, аналитик. Вчера все пыталась хвост завязать, как у тебя. А сегодня смотри: туфли – копия твоих.

Копия, подумала Тамара, внутренне усмехнувшись. Ох, мужчины. Где вам понять разницу между Manolo Blahnik и «Центрообувь»? Хотя Алексей был как раз из таких, кто очень даже понимал, и, значит, дразнит ее специально, вон и усмешка притаилась в уголке губ. Усмешку до смерти хотелось поцеловать, чтобы не выглядел таким самодовольным, хотя самодовольство ему удивительно шло. Но – офис, работа, профессионализм. Она сама установила правила, и, как бы ни хотелось закрыть жалюзи одним нажатием кнопки, как бы он ее ни провоцировал, она не будет их нарушать.

– Да, хорошая девочка, – сказала вместо этого она, наблюдая, как Катя-новый-аналитик споткнулась в очередной раз, зацепившись за кабель острым носком туфли. Просто полоса препятствий эти кабели по всему полу. Айтишники еще неделю назад обещали все убрать в короба, так и не собрались. Придется напомнить, пока половина офиса себе ноги не переломала. – Зря только ты ее в это болото отправил. Она пока свеженькая, незашоренная. Пара месяцев с ними – и будет как все.

– Слушай, у нас прекрасные рисечеры. Что ты на них зуб точишь?

Она нетерпеливо повела плечом.

– У нас рисечеры, которым ничего не интересно. Ты когда-нибудь видел ученого, которому ничего не интересно? Это не ученый, а так, бюрократ. Я тебе давно говорю, их там всех встряхнуть пора, а ты их все по шерстке гладишь. Ну ладно, дядя у Пашковой твой друган, но свежую кровь-то им зачем скармливать?

– Ну, а куда ее? – Нахмурившись, Алексей переключился в деловой режим и выпрямился в кресле. – Тебе лишний аналитик не нужен, у тебя полный штат.

Тамара пожала плечами.

– Умному человеку всегда место найдется.

В общей комнате Катя встала было со стула, но тут же села обратно, зацепившись юбкой за выступ подлокотника, отцепила, встала, не удержала равновесие и снова споткнулась о тот же провод.

– Умному, – усмехнувшись, протянул Алексей, наблюдая, как Катя, красная до ушей, скованной походкой направляется к принтеру. – Тут вопрос, как она и до сих пор жива с такой сообразительностью. Хотя не могу не признать, то, что она именно тебе подражает, все-таки очко в пользу интеллекта.

Тамара покачала головой, но ничего не сказала, оставив без внимания лесть и не отвечая на критику. Она посмотрела на слипшиеся пластыри на Катиных лодыжках, сквозь которые проступала кровь, и перед глазами у нее встали сухие, но такие говорящие строчки из резюме: «Диплом бакалавриата с отличием», «Магистратура с отличием», «свободный английский», «разговорный испанский». Сервантеса читала в оригинале. Тамара вздохнула.

– Ты по делу пришел или так, развлекаешься?

Он моментально забыл о Кате, вытянулся в кресле чуть не в стойку, как пес, которого позвали на прогулку.

– Хотел тебя увидеть. – Он улыбнулся, но неуверенно, пытаясь угадать ее настроение.

Тамара посмотрела на него задумчиво. Он редко позволял себе личные моменты на работе, слишком полным был его рабочий график. По ее опыту, это означало, либо что его день складывался очень хорошо, либо что он хотел отвлечься от стрессовой ситуации любыми способами хоть на какое-то время. Он не был небожителем, но на свете было не так много вещей, способных заставить Алексея Капотина ощутить на себе давление стресса. Ее взгляд задержался на его плечах, слишком нарочито расслабленных. Она откинулась на спинку кресла, без труда удерживая его внимание.

– Мы же вечером увидимся, – произнесла она, добавив в голос несколько капель обещания. – А сейчас мне нужно работать.

Он развел руками, улыбаясь.

– Я тебя разве отвлекаю?

Она выпрямилась в кресле, перевела взгляд на монитор.

– Отнюдь. Но если бы я хотела быть живой картиной, я бы согласилась участвовать в перфомансе, когда Слава просила. Не могу вспомнить, какая у нее была тема... Кажется, «Фрукты и девушки», что-то про историю страсти. Или «Дикие цветы и дикие девушки»? Надо уточнить, а то, может, зря отказываюсь.

Как и ожидалось, он скривился.

– Ты нарочно это сейчас сказала, чтобы отбить у меня аппетит.

– Ты обедаешь с Гашинским, у тебя и так нет аппетита.

– Ну вот, а теперь совсем нет. Одни панк-натюрморты перед глазами.

Она улыбнулась и не ответила, но про себя довольно кивнула. Он выглядел сейчас гораздо больше собой, чем минуту назад.

– Как бы меня ни радовали твои страдания по искусству, мне нужно утвердить две стратегии, – сказала она. – Дверь вон там.

Он встал, изобразил, что нахмурился.

– Как грубо. Я пожалуюсь на тебя руководству.

Она засмеялась.

– Да, и заодно передай ему, что он пропустил пятнышко под подбородком, когда брился утром.

Он состроил гримасу.

– Я опаздывал.

Что само по себе тоже было нехарактерно, но Тамара решила, что дальнейшее уточнение обстоятельств можно отложить на потом. Алексей был человеком прямолинейным и удивительно честным. Если бы проблема была серьезной, он бы сказал. Или скажет еще в свое время. Ему можно было доверять.

– Ну вот, и сейчас опоздаешь, если не поторопишься. Останется третий раз – и выбьешь страйк.

– Ладно, ладно, – он вскинул руки, сдаваясь, отступая к двери. Ухмыльнулся. – Знаешь, для человека, который отчаянно сопротивлялся каждый раз, когда его хотели повысить, ты удивительно любишь командовать. – Он поймал ее взгляд. – Все, все, ушел.

Тамара подождала, пока дверь за ним закрылась. Невольно вспыхнувшая улыбка медленно сошла с лица.

Она не любила служебных романов и никогда их не искала, но они следовали за ней всю жизнь. В какой-то момент она поняла, что, если революцию нельзя подавить, ее нужно возглавить, и сама встала за штурвал, выбирая, к каким берегам направить корабль. Это дало ей ощущение контроля, она перестала наконец чувствовать себя жертвой обстоятельств – хотя бы в одном этом аспекте. Ее новое положение было где-то даже приятным, хотя в довесок к свободе выбора добавилось ощущение, что она постепенно становится злодеем в собственной истории – настолько легко давались ей ее победы.

Она долго держала Алексея на расстоянии, хотя и знала с самого начала, к чему все идет. Но если желание и восхищение других не вызывало у нее ничего, кроме раздражения, уважением она дорожила. Она работала много, работала честно и с удовольствием, и, если владеец бизнеса нанял ее не за экспертизу, а за красивые глаза, его ждал большой сюрприз. К чести Алексея, он воспринимал свой бизнес слишком серьезно, чтобы заполнять ключевые посты красивыми мордашками, и поначалу с пониманием относился к ее позиции. Однако по мере того, как время шло и работа Тамары говорила сама за себя, он начал терять терпение.

«Слушай, ты уже все всем доказала, – сказал он после того, как она привела в компанию пятого крупного клиента. – Мне уж тем более, хотя мне и не надо было ничего доказывать, я с самого начала знал, что ты сила. Почему, как ты думаешь, я переманил тебя от Улановой? Она до сих пор мне за это мстит при каждом удобном случае. По-моему, единственный, кто сомневается в твоём потенциале, – это ты».

Это была единственная тема между ними, которая могла привести к размолвке. Они не ссорились – Тамара была не из тех женщин, которые ссорились. Когда она видела, что продолжать разговор бессмысленно, что дальше – только обидные слова и упреки, она говорила: «Давай сделаем паузу». Все ее любовники в скором времени начинали ненавидеть эти три слова и бояться их гораздо больше, чем более распространенного: «Ты сломал мне жизнь, скотина!» Потому что после «Давай сделаем паузу» следовала бездна тишины. Тамара уходила или выставляла любовников за дверь, и невозможно было предсказать, сколько эта «пауза» продлится. Те, кто, не выдерживая молчания, начинали звонить, атаковать подарками и даже извинениями, кто объявлялся без приглашения, с теми пауза превращалась в тихий, но окончательный разрыв.

– Знаешь, ты когда-нибудь допрыгаешься, – сказала ей как-то Наташа в перерыве между второй бутылкой шардоне и третьим сезоном «Анатомии Грей». Они смотрели его марафоном, растянувшись на Наташиной кровати, пользуясь каникулами Наташиных детей. – У нас сама знаешь как. До тридцати замуж не выскочила, все – ты лежалый товар, перестарок. Я знаю, ты думаешь, к тебе это не относится, но, черт, ворожея ты моя дорогая, тебе уж скоро сорок. Хватит мучить мужиков. Выбери уже одного и живи спокойно. Чего ждать-то?

– Я уже была замужем, – монотонно сказала Тамара. – Мне хватит.

Наташа закатила глаза.

– То есть ты всю жизнь намерена по Павлу убиваться? Он не оценит, ты знаешь. Где бы он ни был.

Тамара промолчала.

После паузы Наташа сказала:

– Надеюсь, Коля мой с ним там, где-нибудь. Надеюсь, они-то хоть вместе. Совсем ведь мальчишки были, господа. Меня Ника на днях спрашивает: «Мама, а что на самом деле бывает после смерти? Не как ты в детстве говорила, а на самом деле?» А я откуда знаю, что ей сказать.

– А что ты им в детстве говорила?

– Ничего, – вздохнула Наташа. – Говорила, что смерть случится очень-очень нескоро и незачем волноваться раньше времени.

Тамара почему-то засмеялась.

– То есть сейчас ты говоришь, что пора? Начинать волноваться?

Наташа нахмурилась, посмотрела на нее недовольно.

– Не передергивай, а? Я же серьезно.

Тамара погладила ее по руке.

– Прости. Мне просто трудно воспринимать смерть серьезно. Не в том смысле, что это шутка, а как-то... Не знаю. После Паши, после того, как они погибли, все как будто уже случилось, понимаешь? Я как будто вместе с ним умерла тогда, только тело почему-то здесь забыли.

Я знаю, это не то же самое, но я как будто уже умерла один раз. И после этого страха нет. Я тоже не знаю, что там и есть ли там что-нибудь вообще. Но я больше не боюсь, хотя, может, и надо.

Наташа слушала молча и долгое время ничего не говорила, бездумно глядя в пространство. Наконец, она пошевелилась, словно выбираясь из-под паутины сна, и растянулась на кровати, положила голову Тамаре на живот.

– Надо было их к маме в деревню отвезти, – глядя в экран, сказала она. – Там бы Мама Люба им все объяснила про Бога и ангелов и как хорошие дети попадают в рай.

– Ты сама-то веришь в ангелов? – спросила Тамара, пропуская сквозь пальцы тонкие светлые пряди подруги. – Тебе вот в детстве мама объясняла, и что? Ты веришь?

– Не знаю, – голос Наташи сделался небрежно равнодушным. – На каком-то уровне, наверное, верю. В церковь хожу. Ну, окей, захожу. Бывает. Но это как-то отдельно, понимаешь? Церковь и ангелы – отдельно, а Колька мой – тоже совсем отдельно. Я не люблю про это думать, – добавила она почти обиженно, тоном точь-в-точь как у Ники. – Только надеюсь, что хорошо ему там, где бы он ни был. Потому что должно же быть хорошо, правда? Иначе зачем все это.

Тамара молча гладила ее по волосам, пока на экране чрезмерно привлекательные доктора решали свои любовные и изредка карьерные проблемы.

Возможно, Наташа была права. Возможно, Тамара слишком задержалась в статусе горюющей вдовы. В конце концов, даже с момента этого разговора прошло уже два года, а от самой трагедии ее и вовсе отделяло почти пятнадцать лет. Из всех ее знакомых сейчас одна только Наташа знала всю историю; большинство же людей, с которыми она общалась каждый день, и не подозревали, что в ее прошлом были такие страницы.

Ощущение времени – невероятно странная штука. Они познакомились, когда Тамара была на третьем курсе института, и были они удивительно, шокирующе юными. Ей казалось, что невозможно быть таким юным, что так бывает только в кино или во сне. Между прошлым и настоящим – вечность, но в то же время – только миг. Кажется, что все это было только вчера. Стоит только оглянуться через плечо, и ощутишь аромат фиалок, которые он принес на первое свидание, увидишь краешек скромного свадебного платья, почувствуешь, как подгибаются коленки от внезапного звонка телефона в тихий субботний вечер. «Тамара Константиновна Авдеева? Супруга Павла Ивановича Авдеева? С сожалением вынуждены вам сообщить...»

Только вчера, только вчера. Неужели прошло уже пятнадцать лет? Да когда же, как же они пробежали?

Отражение в зеркале здесь едва ли помощник. Кожа гладкая, как у девушки, едва-едва обозначились морщинки. Те же скулы, тот же нос, те же глаза... Хотя вот, пожалуй, глаза все-таки подсказывают, не дают забыть.

Она вспомнила, как дразнил ее за эти глаза учитель в Индии. «Лед на себе таскаешь, – смеясь, говорил он, тыкая пальцем над каждой бровью. – Здесь килограмм. А здесь два. Таскаешь, таскаешь. Брось уже. Вам, белым женщинам, худеть все время нужно, вот и похудей вот тут. И вот тут. Горе много весит».

Тамара невольно улыбнулась, вспомнив первую свою незапланированную поездку в Индию. Случайная ее компаньонка сбежала, едва увидев вместо душа в ванной ведро для горячей воды. Из-под него радостно выбежал таракан и, расправив крылья, пошел на взлет. Тамара и сама не понимала, почему осталась. В номере – одно название, что номер – невыносимо жарко, еле-еле работает вентилятор, постельное белье с дырками самых невообразимых форм, по стенам шуршат гекконы, а из-за стены доносится храп соседа по этажу. Воздух тяжелый от влаги джунглей, от ароматов благовоний, специй и коровьего навоза. Вода из крана льется слегка зеленая. На двери нет замка. Окна без стекол затянуты москитной сеткой, и москиты поют свои заунывные напевы, не умолкая, особенно усердствуя после захода солнца. По крыше то и дело дробью бьет дождь, превращая удивительно красную дорожную пыль в густую грязь.

Все это никак не перекликалось с описанием «расслабляющего йога-ретрита в тихом уголке прекрасной Индии».

Подруга, которая и была инициатором поездки и с которой предполагалось делить номер, развернулась на пороге, подхватила забрызганный грязью чемодан и помчалась догонять только что отъехавшее такси с прытью, удивительной для миниатюрной девушки, которая провела пятнадцать часов в дороге. А Тамара – Тамара осталась. Она и сама не могла сказать, почему. Не то чтобы условия чем-то ее прельщали, но в ее угнетенном состоянии она восприняла их совершенно спокойно, приняв как данность. Она большую часть суток провела в пути, а на ногах – еще дольше, и мозг отказывался думать, а хотел только спать. Она успела купить бутылку воды, выпить большую ее часть и добрести до кровати.

Она была тогда, конечно, сильно моложе, ей только исполнилось двадцать девять. После смерти Павла прошло два года, которые она провела словно в каком-то забытии, совершая движения по инерции, мало отдавая себе отчет в своих действиях.

Жизнь превратилась в механический повтор необходимых действий:
встала, умылась, оделась, поела, пошла на работу, вернулась, повторила все в
обратном порядке. День за днем, месяц за месяцем.

Наташа ругалась на нее страшно, злилась за неспособность взять себя в руки. Перед Наташей было стыдно, но от нее было легко прятаться – у Наташи, в отличие от Тамары, осталось на руках двое маленьких детей. Ей было не до того, хоть она и старалась, натравливала на Тамару всех оставшихся знакомых и подруг, потому что ей было страшно.

Тамаре и самой было страшно иногда, потому что мысль, что можно просто все закончить, была слишком естественной, слишком легко приходила на ум, слишком удобно убаюкивала, потихоньку разрушая волю. Тамара знала, чего боится Наташа, и этот страх, это нежелание, несмотря ни на что, причинять близкому человеку еще больше боли, удерживало ее на краю в те обманчиво тихие вечера, когда навязчивые мысли подступали слишком близко.

Индийское утро было ярким и громким. С пяти часов утра с кухни доносился лязг кастрюль и тяжелых чугунных сковородок и громкие голоса женщин, готовивших завтрак. В храме Шивы Разрушителя за поворотом дороги шла утренняя служба, и звучали непривычно шершавые, но певучие слова санскрита. С южной стороны, издали, ветер доносил звуки утренней молитвы с верхушки минарета. Разные религии окружали здесь со всех сторон, и Тамаре показалось спросонок, что она попала в какой-то совершенно другой мир, полусказочный, полуиллюзорный, в котором, выйдя за порог, можно нос к носу столкнуться с героем древней легенды и где персонажи эпосов продолжали жить бок о бок с обычными людьми. Из кармана пластикового дождевика, который она оставила накануне за порогом, выпал, громко вереща, бельчонок. Едва оказавшись на свободе, вскарабкался по плечу, перескочил на стену балкона, а оттуда – на ближайшее дерево и скрылся в листве, не попрощавшись. Тамара оторопело посмотрела ему вслед и улыбнулась – неуверенно с непривычки, почувствовав себя совсем немного Белоснежкой.

На кухне ее встретили две пожилые женщины в удивительно красивых сари. Обе улыбались приветливо и тут же налили ей маленькую чашку горячего чая с молоком и травами. Они знали всего несколько английских слов, но многого и не требовалось для короткой беседы: «Откуда?» «Сколько лет?» и такого навязчивого и бестактного на Севере, но такого естественного в Азии – «Замужем?». Удивительно, но Тамара, привыкшая вздрагивать при звуке последнего вопроса, вдруг совершенно спокойно покачала головой, только улыбка вышла слегка грустная. «Хорошая, – сказала одна, одобрительно глядя на Тамару. – Очень красивая». «Но грустная, – сказала вторая. – Надо замуж». Тамара покачала головой, но почему-то засмеялась. Женщины засмеялись вместе с ней. «Сейчас иди, – сказала одна, забирая у нее пустую чашку. – Сейчас йога».

Тамара отправилась по территории искать йога-зал по мокрым от росы тропинкам. Она никогда раньше не занималась йогой и мало что о ней знала. Как она вообще здесь оказалась?

Йога-зал вырос перед ней внезапно – некрасивое строение на сваях без стен, москитная сетка натянута между опорами, которые поддерживали крышу, крытую пальмовыми листьями. Единение с природой здесь точно не было красивым маркетинговым обещанием. На крыльце возле входа – ассортимент шлепанцев и сандалий. Тамара быстро скинула свою обувь, аккуратно поставила в стороне, чтобы легко было запомнить, и, приподняв занавеску, вошла в зал.

Это было небольшое пространство вытянутой овальной формы, с ровными деревянными полами, гладкими от времени. В центре у противоположной от входа стены на коврике сидел, скрестив ноги, учитель – поджарый мужчина лет пятидесяти на вид, одетый в традиционную набедренную повязку и улыбающийся так, словно сегодня был самый счастливый день в его жизни. Перед ним на таких же тонких, выдавших виды ковриках из какой-то странной дерюги располагалось человек пятнадцать – все европейцы по виду, взъерошенные с дороги, бледные от недостатка сна, с недоверчивыми от волнения глазами. Когда Тамара вошла, многие обернулись, но только на мгновение, и она моргнула с непривычки, и только тогда сдвинулась с места, когда занавеска снова приподнялась, пропуская внутрь еще одну припозднившуюся гостью. Они машинально улыбнулись друг другу, и Тамара последовала за ней к стойке с ковриками в углу. Девушка захватила себе еще и странную плоскую подушку с соседней полки, и Тамара, подумав, сделала то же. Она постелила коврик позади всех, не желая нарушать спокойствие ранее прибывших, но, к ее удивлению, другие ученики тут же и без подсказки подвинулись, создав пространство еще для двух ковриков в центре. Эта неожиданная и непрошенная доброта от совершенно незнакомых людей вдруг растрогала Тамару чуть не до слез, и она опустилась на свою подушку неловко, едва ли не впервые в жизни ощутив свое тело странно тяжелым и несговорчивым.

Учителя звали Мастер Биту, и он начал класс с немедленного погружения в медитацию. Тамара имела о медитации самое поверхностное представление – так, слышала что-то про состояние, похожее на транс, и что это как-то связано с религией. Но все оказалось намного проще: сиди и наблюдай за своим дыханием.

«Только одна забота у тебя сейчас, – долетал из темноты удивительно веселый голос Мастера Биту, который с какой-то особенной радостью сдабривал щедрым индийским акцентом английские слова. – Следи за твоим вдохом. Следи за твоим выдохом. Вдох и выдох. И больше ничего».

Тамара послушно сконцентрировалась на собственном дыхании, что никогда не приходило ей в голову раньше.

Было что-то удивительно успокаивающее в том, чтобы отпустить из восприятия все, кроме собственного вдоха и выдоха, как будто больше ничего не существует в мире и не существовало никогда.

В голове вертелся восторженный вопрос: «А что, так можно было?» Хотелось истерично засмеяться от облегчения, и это было приятно, но отвлекало. Вдох. Выдох.

«Ум, как обезьяна, скачет с ветки на ветку – с мысли на мысль. Все неймется ему. Все кажется, что у соседа трава зеленее. Отвлекается на все подряд, как ребенок. Вы и не заметили, а он уже ускакал. А как заметили, не ругайте, не злитесь. Вы же не станете на ребенка злиться. Вы его ласково, за руку ведите туда, куда вам надо. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. А то ум ваш вами рулит, а не вы умом».

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Вдох. Пауза. Между вдохом и выдохом была странная тишина, удивительно приятная, из которой не хотелось выходить. «Надо вдохнуть, – беспокоился ум Тамары. – Нужен кислород, – подталкивал он ее. – Нужен, нужен, нужен. Скорее уже». Она вдохнула. Выдохнула. И снова пауза. И снова странное, но явно комфортное ощущение. «Мне хорошо здесь, – подумала она. – Где «здесь»? Не знаю. Только знаю: я здесь. Я *здесь*».

Вокруг нее класс медленно выходил из задумчивости, люди потягивались, разминали затекшие мышцы – готовились. Тамара тоже потянулась, чуть не вскрикнув от удивления, когда кровь вдруг зашумела в висках, словно ток побежал по венам. Мастер Биту улыбался и вдруг миг оказался на ногах.

«Сурья Намаскар! – объявил он. – Приветствия Солнцу!»

Это был цикл быстро сменяющих друг друга движений: потянись, наклонись, шагни назад, опустишь к полу – и обратно.

Тамара не успевала за темпом, не успевала даже рассмотреть непривычные положения тела, когда Мастер Биту с поразительной ловкостью и энергией перетекал из одного в другое, не теряя своей сияющей улыбки. Почему-то это не расстраивало, а веселило, собственная неожиданная неловкость смешила ее. Она вдруг почувствовала себя ребенком, увлеченным игрой, когда во что бы то ни стало нужно успеть за ведущим. Она подхватила ритм к пятому повтору, а к одиннадцатому двигалась с учителем на одной волне. По телу лил пот, она даже не заметила, как разогрелась. В груди пузырился смех.

«У меня истерика, – почему-то, совершенно не беспокоясь, подумала она. – Это эндорфины. Или тут наркотики в воздухе».

За исключением приветствий солнцу, Мастер Биту вел медленную йогу, где каждую позицию тела удерживали по несколько минут. Поначалу это показалось Тамаре невероятно тяжело. Руки и ноги то и дело подкашивались на скользком коврике, футболка прилипла к телу. У нее даже одежды, подходящей для йоги, не было – так, схватила первое подвернувшееся в магазине спортивных товаров, с таким «вниманием» она собиралась в этот странный отпуск.

Не считая Мастера Биту и его набедренной повязки, все остальные люди вокруг нее были экипированы, как будто сошли со страниц спортивного журнала. Вот только взгляд почему-то игнорировал всю эту дорожную красоту и тянулся к учителю, который держал позиции с какой-то поразительной невозмутимостью.

Вокруг него относительно юные и достаточно состоятельные люди из самых благополучных стран мира сопели и кряхтели, кусали губы с досады, пока скромный индеец смотрел на них с доброй улыбкой.

Тамаре приходилось нелегко. Скоро начали дрожать от усталости руки, и когда после странной и какой-то не совсем приличной позы под названием «Собака мордой вниз» учитель попросил вывести тело в планку, а потом медленно-медленно опустить ровный корпус вниз, запястья отказались держать вовсе, и Тамара упала всем телом на коврик.

«Не бойтесь падать, особенно женщины, – улыбаясь до прищура, сказал Мастер Биту, который, казалось, в ее сторону и не смотрел вовсе. – Женщинам мягко падать».

Большинство улыбнулись, несколько человек засмеялись, включая Тамару. Падать было действительно не больно, но, когда она попробовала оттолкнуться руками и подняться, руки отказались держать. Ничего себе, подумала она. Ведь не бог ведь какой сложности упражнения, ни в узел не попросили завязаться, ни на голову встать. А тело колотит, как будто марафон пробежала.

«Уткатасана!» – объявил Мастер Биту.

Тоже ничего сложного, казалось бы. Стоя на месте опустить таз вниз, как будто на стул, и руки вверх вытянуть. Как это было трудно! Мышцы бедер горели, как в огне, руки заламывало, спина отказывалась оставаться ровной. Мастер Биту улыбался, как будто его совсем не затруднило бы провести весь день в этой позиции. Тамара несколько раз выпрямила ноги и снова согнула, в то время как учитель не шелохнулся, только живот ходил вверх-вниз с каждым вдохом.

Она не подозревала, что была до такой степени не в форме, и это откровение почему-то наполняло ее странной радостью.

Боль в мышцах была удивительным напоминанием: «У меня есть тело! Оно работает! Я это чувствую! Я себя чувствую! Я есть!» И хотелось смеяться, смеяться, смеяться.

К тому времени, как дошли до финальной релаксации («Попа трупа», то еще название), Тамара растянулась на коврик с чувством, что отдала себя без остатка, что из нее вынули даже то, о существовании чего она не подозревала, все разложили и поменяли местами, и она даже пальцем пошевелить не может, не то что что-то обратно собрать. Глаза закрылись сами собой, и она «провалилась» или, наоборот, поднялась куда-то вверх, где не было мыслей, а были только солнечные блики на воде и шершавый голос учителя, говорившего непонятные тягучие слова. Хотелось остаться здесь навечно.

К ее удивлению, когда релаксация закончилась, она почувствовала мощный прилив бодрости. Усталость, от которой все тело налилось тяжестью, растворилась без следа. Мышцы вибрировали под кожей, как будто по ним пробежал электрический импульс, побуждавший вскочить на ноги и куда-то пойти, нет, даже не пойти – помчаться, влезть на гору или танцевать канкан. Очень хотелось есть, она вспомнила вдруг, как давно не ела горячей, свежеприготовленной еды. Голова была ясная, и... О.

Она ни разу не вспомнила о Паше. За два часа практики она ни разу о нем не подумала. И не только о нем. Она не помнила, чтобы думала вообще о чем-нибудь, кроме позиции тела и сколько еще сможет в ней выдержать. Она не помнила, что она несчастная девочка из России, у которой тараканы в номере, и муж погиб, и коллеги не воспринимают серьезно, у которой в квартире умирают растения и которая идет по жизни как тень, как будто жизнь ее больше не касается.

Она не понимала, что происходило с ней эти два часа, но одно было точно: она была жива. Эти два часа она была, вне всяких сомнений, полностью, на сто двадцать процентов – жива.

Каждое ощущение, каждый запах, вид и звук, каждое прикосновение было реальным, как никогда раньше. Как будто до этих двух часов она никогда не чувствовала запаха цветов или дождя, не слышала пения птиц или голосов людей, как будто ее ладони никогда по-настоящему ни к чему не прикасались. Так, наверное, чувствует себя новорожденный, только, в отличие от новорожденного, она не испытывает страха – только радостное удивление от каждого открытия. Даже с Пашей – как же так? – даже с Пашей она никогда не чувствовала себя настолько *живой*. Что за магия здесь происходила? Что за волшебство?

Соседка по коврику улыбнулась ей, откидывая со лба прилипшую челку.

– Хороший класс, да? – сказала она по-английски с сильным немецким акцентом. – Условия здесь, конечно, ужасные, но к Мастеру Биту в ретриты такая очередь, что к нему хоть в джунгли, хоть куда поедешь.

– Он такой известный учитель? – с любопытством спросила Тамара.

– Ты не знаешь? – изумилась соседка. – Он потрясающий. Так мало осталось людей, которые преподают настоящую хатха йогу именно так, традиционно. На Западе вообще огромная редкость, но даже и здесь все больше ретритов подстраиваются под запросы западных туристов, которые думают, что йога – это гимнастика.

– Если честно, я совсем ничего о йоге не знаю, – призналась Тамара, чувствуя себя внезапно школьницей, забывшей сделать домашнее задание. Даже это не самое приятное чувство было радостно ощущать – настолько долго она жила в эмоциональной спячке. – Это был мой первый класс по йоге.

Молодая женщина посмотрела на нее с изумлением, но быстро улыбнулась.

– Вау, вот тебе повезло. Ты здесь на сколько? На неделю, десять дней? Останься на две недели, если сможешь, или дольше. Такой практики ты нигде больше не найдешь. Кстати, я Магда. – Она протянула руку для пожатия в типичной манере американок и европейек.

– Тамара, – ответила Тамара, сосредоточенно ее пожимая. Как это было странно и удивительно – целенаправленно касаться другого человеческого существа.

– И как тебе твой первый класс, Тамара? – весело спросила Магда, ловко сворачивая свой коврик.

Тамара посмотрела вокруг на почти опустевшую залу, на жестяные тибетские колокольчики над дверью и на помост, на котором во время класса располагался Мастер Биту. Вдохнула полной грудью.

– Мне очень понравилось, – сказала она, и слова показались совершенно неадекватными, даже близко не передающими ее эмоции. Она даже назвать их не могла, пытаться дать им определение было все равно что ловить туман. – Это было... это было очень здорово.

Магда пристально на нее посмотрела, как будто все поняла.

– Тебе очень повезло, впрочем, как и всем нам. Ты именно там, где должна сейчас быть. Пойдем, – Магда потянула ее вперед за запястье. – Пока от завтрака еще что-то осталось.

Аккуратно сложив свои коврики и подушки на полки, они поспешили сквозь насыщенный влагой сад в ресторан.

Буфет был очень простым, а по меркам искушенного туриста, и вовсе скромным: овсяные хлопья, рис, тушеные овощи, тосты, джем и масло, свежие фрукты. Тамаре показалось, что она никогда в жизни не ела ничего вкуснее.

Они сели за большой стол, присоединившись к компании других участников ретрита, и вскоре все со всеми познакомились. Тамара смотрела во все глаза на этих людей, которые занимались йогой уже долгие годы – все, за исключением Стефана из Бразилии, который с облегчением кивнул Тамаре как новичок новичку. Кто-то начал заниматься, чтобы избавиться от боли в спине или залечить травмы, кто-то – в поисках душевного спокойствия, а кто-то и вовсе случайно, «за компанию», причем «компания» давно отвалилась, а они остались.

Здесь был Джон, работавший на неправительственную организацию в Африке, руководил строительством школ и образовательных центров. Здесь были бэкпэкеры Линда и Майя, исколесившие пол-Азии как «трэвел-журналисты». Здесь была Клаудия из Калифорнии, директор собственной компании-разработчика софта, которую в Штатах ждали два бывших мужа, трое детей и организаторы благотворительного марафона в поддержку бездомных, который она спонсировала. Здесь был Бриан, учитель йоги из Франции, который приезжал к Мастеру Биту каждый год «подзаряжаться». Была, наконец, и новая подруга Тамары Магда, которая занималась образовательными проектами для неблагополучных подростков.

Тамаре вдруг стало странно, что вся ее жизнь последние несколько лет начиналась и заканчивалась словами «У меня муж погиб». Стало не то чтобы стыдно, но как-то беспокойно. Вот же люди, подумала она, у которых, наверное, тоже не все гладко, но никто из них руки не опускает, идут вперед, делают что-то полезное. Это жизнь, подумала она вдруг. Это жизнь, и с ней можно столько всего сделать!

Дни потекли вперед плавно, каждый до такой степени наполненный событиями, что в сознании Тамары он разрастался до масштабов целого месяца, а то и года. Расписание в ретрите не было особенно насыщенным: двухчасовая практика утром, двухчасовая вечером, а между ними – только прогулки, массаж и иногда лекции. Но каждая практика, каждая минута в этой практике была откровением, непрерывно стимулировавшим сознание, пока тело пыталось найти точку опоры.

В теплом климате ее гибкое от природы тело раскрылось быстро, но были зоны, в которых тяжесть и боль обосновались, казалось, навсегда. Особенно зажатыми были руки, грудь и

плечи, и Тамаре приходилось сражаться с собственным телом, кусая губы и сжимая челюсти, чтобы не выскакивать из асан раньше времени.

– Ты слишком сопротивляешься, – приговаривал, стоя над ней и прищелкивая языком, Мастер Биту. – Вся сжалась тут. – Стукнул ее по лопаткам. – Отпусти.

– Не могу, – огрызнулась она после далеко не первого замечания. – Больно.

– А ты перестань убегать от боли, – не обращая внимания на ее тон, сказал он. – Иди туда, где боль. В самый очаг. Прочувствуй ее до конца, перестань отворачиваться.

Внутри поднялась паника. Не хочу. Ведь больно же, так больно, зачем я буду еще сильнее давить. Я же не мазохистка. Не хочу, не хочу, нехочунехочунехочу...

– Наблюдай за своим сопротивлением, – непонятно посоветовал учитель. – Наблюдай, как ты убегаешь. Сделай шаг назад, посмотри на себя как будто бы сверху. Как будто ты сама – свидетель происходящего с тобой. Ничего больше не делай. Только наблюдай.

И это – да, это было несложно. Действительно несложно. Стоило только попробовать внутренне отступить и посмотреть на себя как будто со стороны – и она увидела. Подумает о Паше – и тут же в панике убегает, сжимается, словно хочет стать меньше, как маленькая девочка стремглав бежит в свою комнату и прячется за креслом, как в детстве пряталась от отца, когда он ее ругал. Страх, вдруг поняла она. Ей не больно, *еще* не больно – ей страшно. Страшно, что будет, если она посмотрит Паше в глаза.

– Продолжай наблюдать, – велел Мастер Биту.

– Да, это сознание наблюдателя, – кивнула Магда, когда Тамара поделилась с ней опытом. – В жизни очень полезно, не только в йоге.

Начинаешь наблюдать за своими эмоциями, видишь, как они возникают, как тянут за собой мысли. Постепенно понимаешь, что можешь выбирать, что чувствовать, а что нет.

– Как это? – не поняла Тамара.

– Ну смотри. Наорал на тебя, к примеру, босс. Ты в ответ разозлилась, наорала в ответ, и все, испортила отношения или и вовсе лишилась работы. А когда ты в режиме наблюдателя, ты можешь все отследить. Вот он тебе что-то несправедливое сказал, и ты начала злиться. Видишь, как в тебе всплывает гнев, отслеживаешь. Можно посмотреть, что тело чувствует и где. Может, например, живот стал как каменный, или горло сжалось, или в груди горячо. Пока отслеживаешь – уже и гнева почти не осталось, а даже если остался, ты же его видишь и можешь сознательно принять решение: не буду отвечать, пока злюсь. Подожду, пока гнев пройдет. Со временем и дальше начинаешь идти – думаешь про босса, не от хорошей же жизни он орет, плохо ему. И все, как только его пожалеешь, посочувствуешь, твой гнев ушел, он тебе больше не вредит. И другой человек это чувствует и тоже перестает злиться – много раз по себе замечала.

Тамара кивнула медленно, интуитивно предчувствуя механику процесса, примеряя ее на себя. Она посмотрела на Магду.

– Ты очень хорошо объясняешь.

Магда засмеялась.

– Поработай с мое с трудными подростками, еще не так научишься. Подростки, они все попытки манипулирования издалека видят, у них встроенный детектор лжи стоит. А эмоциями своими управлять совершенно не умеют. Чуть что, понеслось по наклонной – меня обидели, пойду витрину разобью или себе что-нибудь порежу. У нас терапевты первое, что делают, – учат их сознанию наблюдателя, чтобы пауза появлялась между эмоцией и действием. Можно злиться, но осознанно, и безопасный выход гневу найти. Мы, кстати, многих на йогу отправляем, она очень помогает. Даже если только физическая практика, не как у Мастера здесь, все равно в теле приземляет, помогает им контакт установить с собой настоящими.

Мне тоже помогает, поняла Тамара. Простое, но такое удивительное удовольствие – быть полностью до конца в своем теле. Вот оно прогнулось, вот выгнулось. Вот бедро включилось, вот нога задрожала. Вот пресс почувствовался, а вот напряглись мышцы спины. И не отпускает ни на секунду, потому что, как только потерял концентрацию, тут же потерял равновесие и выпал из позы. «Внимание, – повторял раз за разом Мастер Биту. – Внимание, внимание. Не отпускайте внимание».

– В прошлом жить нельзя, – сказал Мастер Биту во время вечерней лекции и посмотрел, как Тамаре показалось, прямо на нее. – Вся человеческая жизнь, она в настоящем моменте происходит. В эту минуту, в эту секунду. Если мысли ваши в прошлом, то в настоящем вы бездействуете, просто растрчиваете его попусту. Рано или поздно оно закончится, а вы так и не успеете в нем побывать.

Магда уехала через неделю вместе с большой группой людей, которым пора было возвращаться к семьям и работе. Ретрит показался Тамаре удивительно тихим после их отъезда, но странным образом тишина не казалась тяжелой. Так, причиняла легкое беспокойство, как пара туфель, которые то ли жмут, то ли нет.

– Ты красивая, – сказал Тамаре Мастер Биту как-то после вечернего класса. – Очень красивая. Ты такая красивая, что можешь до конца жизни больше ничего не делать, если не захочешь. Если тебе этого хватит. Подумай. Подумай здесь, – тут он с силой ткнул ее пальцем в центр груди. – Бог тебе очень много дал. Что с этим делать?

Каждую минуту ты решаешь. Вот здесь тебе дал, – тычок в центр лба, – чтобы думала хорошо. И вот здесь, – еще один тычок в сердце, – чтобы ум не думал, что он главный. Понимаешь? Каждую минуту ты выбираешь, как твоя жизнь дальше пойдет. И в эту минуту выбираешь, и в следующую. Понимаешь?

– Понимаю, – растерянно сказала Тамара.

Учитель улыбнулся.

– Не понимаешь пока. Точнее, понимаешь ты, а ум не понимает. Это ничего. Умом необязательно. Просто помни: каждую минуту выбираешь.

Тамаре показалось, что она действительно что-то невероятно важное поняла в эту минуту, что-то, в корне меняющее – *все*. Но когда она пыталась назвать это «что-то», дать ему определение, ничего не получалось. Так бывает, когда видишь что-то краешком глаза, но стоит повернуть голову – и все, исчезло. Она вдруг почувствовала досаду, как пятилетний ребенок, от которого родители прячут конфеты. Мастер Биту только смеялся, но так заразительно и не зло, что Тамара засмеялась тоже.

– Приезжай через год, – сказал Мастер Биту. – Я вижу, ты приедешь. Это хорошо.

Она вернулась в Москву дождливым осенним вечером в странно приподнятом состоянии духа. Не то чтобы хотелось улыбаться и скакать, но хотелось действовать. Физически и созидательно. Хотелось взять лопату и вскопать огород, или пробежать марафон, или посадить дерево. Ей казалось, что, если бы ей прямо сейчас предложили своими руками построить дом, она бы, не задумываясь, пошла таскать бревна. Мысль о том, чтобы вернуться в понедельник в офис, где сальный взгляд начальника будет провожать каждое ее движение, а коллеги перешептываться за спиной, не вызывала ничего, кроме отвращения.

Но было и еще что-то, тугим обручем обхватившее грудь, становившееся тяжелее с каждым шагом. Она вошла в квартиру, поставила чемодан у двери, постояла в тишине, не зажигая света. Стянула с ног кроссовки и босиком прошла в гостиную. За окном ранние сумерки без борьбы отступили под натиском дождя, и комната была укутана в темноту, настолько полную, насколько только бывает темнота большого города. Света хватало, чтобы различать очертания предметов и мебели, но цвета уже растворились в оттенках серого.

Она неслышно подошла к полке над телевизором, где на самом видном месте лицом вниз лежала рамка с фотографией. Она лежала так последние три года. Тамара бездумно приподнимала ее, протирая пыль, и никогда не разворачивала.

Ее рука опустилась на тыльную сторону рамки, пальцы ощутили шершавую поверхность подставки. Вдох. Выдох. Пальцы сомкнулись, и она подняла рамку, поставив ее ровно. Ее взгляд мгновенно скользнул по фото без всякого ее участия.

Паша смотрел в камеру, а она смотрела на Пашу. Обе Тамары – и та, что на фото, и та, что смотрела на счастливую пару, пойманную в моменте, – смотрели на Пашу, как будто в мире не существовало больше ничего, как будто вся вселенная была стянута вдруг в одно человеческое существо. В комнате было темно, но на фотографии совсем не сложно увидеть румянец на Пашиных щеках, выцветший зеленый цвет его рубашки, красные, как вишни, губы. У Паши всегда были такие удивительно красные губы, товарищи дразнили, мол, стащил у жены помаду. Паша только смеялся. Он вообще много смеялся, вот как сейчас, глядя прямо в камеру.

Обруч вокруг груди вдруг сжался невероятно туго, дыхание перехватило, и несколько бесконечных моментов Тамара едва не запаниковала, ей показалось, что она больше никогда в жизни не сможет вдохнуть. А потом все вдруг закончилось, воздух хлынул в легкие оглушающей волной, и невидимый стальной удав, пытавшийся сломать ее грудную клетку, разжал объятия, отступил. Не до конца, но далеко – так далеко, что его присутствие едва угадывалось.

Тамара вдохнула полной грудью, не отрывая взгляда от фотографии. Яркость красок померкла, растворяясь в темноте комнаты. Спустя минуту Тамаре уже с трудом удавалось различить лица. Рука потянулась сама перевернуть фото лицом вниз – и остановилась. «Ты можешь смотреть на меня», – прозвучал в голове такой знакомый и удивительно ясный голос. Ее собственный голос ответил: «Я могу на него смотреть».

Она оставила фото на месте.

В понедельник Тамара не пошла на работу, а пошла утром в банк. Она попросила выписку со счета и поговорила с финансовым менеджером. После этого она поехала в офис, кивнула в ответ на приветствия, игнорируя летящие вслед «Что-то она мало загорела» и «Небось, в номере не сильно загорись», и направилась напрямиком в отдел кадров. Взяв бланк заявления об уходе, она без малейших колебаний его подписала. Кадровичка раскрыла было рот, но Тамара посмотрела на нее так, что желание задавать вопросы пропало мгновенно.

Конечно, ее стремительности было мало. Потянулись мучительные две недели, когда босс то и дело допрашивал, требуя объяснений, а коллеги перестали даже делать вид, что шепчутся, и обсуждали версии в голос. Самой необычной Тамаре показалась история про то, что она попала в гарем к какому-то индийскому радже, от которого теперь ждала ребенка. Большинство, однако, не разделяло столь буйных фантазий и сходилось во мнении, что босс просто переводит ее из сотрудниц в любовницы. Сам босс был горячим сторонником этой версии, то и дело подкарауливал Тамару в углу приемной или по дороге в туалет и то сулил купить квартиру и поселить «на всем готовом», то угрожал «ославить на весь рынок». Тамара на все отвечала одинаково:

– Спасибо за ваше мнение, но я приняла это решение осознанно, и оно остается неизменным.

– Да что вообще это значит? – взорвался в конце концов босс. – Какое, твою мать, решение? Решает она там что-то... Тебе вообще ничего решать не надо, сечешь? Я все для тебя сделаю, какого рожна тебе надо?!

Тамара заставляла себя улыбаться и повторяла свой ответ снова и снова.

Это были не самые приятные две недели, но они были интересны, как научный эксперимент: удастся ли ей сохранить спокойствие в атмосфере гнева, непонимания, а иногда и агрессии?

Она снова почувствовала себя ребенком, играющим в игру, что-то вроде «кто последний слово скажет, тот дурак». Коллега язвит, а Тамара делает внутренний шаг назад и решает – позволить ее словам пробудить в ней раздражение или нет? Босс орет, слюной брызгает, угрожает, а Тамара осознает вероятность того, что он может ее покалечить, но не поддается страху. Она поняла вдруг, о чем говорила Магда. В самом деле, каким беспомощным выглядит этот сильный и отнюдь не глупый мужчина, когда от ярости и обиды, что мир не живет по его сценарию, его буквально разрывает на части. Он топал ногами, как двухлетний забияка в песочнице, и даже швырнул в нее вазу – намеренно промахнулся в попытке запугать, но ничего изменить не мог. И его действительно стало вдруг жалко, как ребенка, испугавшегося, что мамы нет рядом, или запутавшегося в собственных лапах щенка. Испытывать страх или даже неприязнь к нему после этого стало невозможно.

И все же эксперименты экспериментами, а Тамара вздохнула с облегчением, когда две недели закончились. Она недрогнувшей рукой зачерпнула денег из той части бюджета, которую выделила на перемены, и отправилась на два дня в загородный спа-отель, записавшись на полный комплекс процедур.

– Нет ли у вас ковриков для йоги? – спросила она по приезде.

– У нас даже класс есть с утра, – улыбнулась ресепшионист. – Приходите в восемь тридцать, до завтрака.

Тамара пришла. Класс не был таким, как у Мастера Биту, асаны сменяли друг друга быстро, и Тамаре не всегда удавалось синхронизировать движение с дыханием, как добивалась инструктор. Но, оттолкнувшись руками от коврика и вытянув копчик вверх в позе «Собака мордой вниз», она улыбнулась, почувствовав, что попала домой.

Вернувшись в Москву, она купила себе собственный коврик, каучуковый, тонкий и легкий, с хорошим захватом, и несколько комплектов красивой и функциональной одежды для занятий. Первым делом она обзвонила все близлежащие студии йоги и записалась на пробное занятие. Она посещала классы каждый день, иногда несколько в день, пока не сделала выбор, и некоторое время занималась в студии. Однако со временем она поняла, что получает больше удовольствия от собственной практики, и стала чаще заниматься дома под обучающие видео или восстанавливая в памяти индийский класс, а в студию заходила раз-другой в неделю, больше по вечерам. Преподаватели и другие ученики стали узнавать ее, а она их, и, перебрасываясь с ними словом-другим перед классом или после, Тамара заметила вдруг, что впервые в жизни ей приятно быть частью группы, принадлежать к этому расплывчатому и постоянно меняющему конфигурацию конгломерату людей, объединенных йогой.

Красота, думала она. Красота. Слова Мастера Биту постоянно возвращались к ней, как беспокойный бумеранг.

Красота была силой, которой у нее было в избытке и которой она никогда не пользовалась.

Наоборот, часто она чувствовала себя скованно, старалась скрыться от взглядов, неизменно сопровождавших ее, едва она входила в комнату. Бог дал, подумала она. *Бог* дал. Не для того же, чтобы ее прятать.

Она позвонила Наташе.

– Ты говорила, у тебя есть знакомый стилист. Дай телефон.

Не видя подругу, Тамара *знала*, что Наташа закатила глаза.

– Наконец-то, – сказала она. – Серега говорил, что тебе в Индии мозги вправят, а я не верила. Думала, тебя уже ничем не проймешь.

– Ну вот, проняло, – засмеялась Тамара. – Давай телефон.

Стилист Евгения критическим, но не осуждающим взглядом рассмотрела ее гардероб и вынесла вердикт:

– У вас хороший вкус, Тамара, но вы как будто стесняетесь собственного тела.

Тамара посмотрела вниз на сложенные на коленях руки.

– Мама всегда говорила: неприлично выделяться, рекламировать себя. Я и так... заметная. Если еще и подчеркивать что-то начну, то совсем неприлично.

Евгения внимательно на нее посмотрела и чуть наклонилась вперед.

– Нет ничего зазорного в том, чтобы признать свои достоинства. Это не означает автоматически выставить себя на панель. Часто говорят, что красота – это оружие, и она может им быть, конечно. У меня есть клиентки, которые так и говорят: «Хочу завоевать такого-то и такого, сделай меня красивой». Но сама я предпочитаю смотреть на красоту как на инструмент. У вас есть очень мощный инструмент в вашем арсенале, который всю жизнь может служить и для вас, и для окружающих. А вы им не пользуетесь. Более того, как будто его отвергаете. Как если бы вам при рождении от чистого сердца родители сделали подарок, а вы вместо благодарности нос морщите и отказываетесь.

Тамара улыбнулась, покачала головой.

– Никогда об этом так не думала.

Слова странным эхом перекликались со словами Мастера Биту.

Евгения кивнула.

– Это понятно. Будем честными, мало женщин с вашими данными, и задачи, как правило, другие. Как скрыть жирные бедра, как сделать так, чтобы меня всерьез воспринимали, и все в том же духе. А вы чего от гардероба хотите? Какую задачу вам нужно решить, что вы хотите в мир транслировать?

Тамара задумалась.

– Я хочу, чтобы меня воспринимали серьезно не только за внешность, – медленно произнесла она. – Я остаюсь работать в той же сфере и хочу, конечно, чтобы во мне видели профессионала. Но еще... еще я хочу чувствовать, что все это, – она взмахнула руками в направлении собственного тела, – все это под моим контролем, я здесь хозяйка. Не знаю, как точно описать... – Она задумалась. – Знаете, я недавно начала заниматься йогой. И когда я на коврике, я чувствую себя всемогущей, что ли. Не в том смысле, что все получается, но что все решения здесь мои – как глубоко потянуться, поработать или отдохнуть, одна позиция или другая. И никто не может вмешиваться, потому что это моя практика. Кто-то может подсказать или помочь, но опять же – потому что я им разрешаю.

На своем коврике я как будто становлюсь неуязвимой, это мое пространство, и я делаю на нем, что пожелаю.

Не как принцесса в башне, которую стерегут, а настолько все здесь в моем ведении, настолько все в этом пространстве – мое решение, что никакие стены и башни даже не нужны.

Она моргнула вдруг, поняв, что погрузилась в какой-то свой мир, забыв про присутствие стилиста. Несмело улыбнулась.

– Получится что-то такое в мир транслировать?

Евгения улыбнулась в ответ, и даже глаза ее загорелись ярче от вдохновения.

– Не знаю, но мы точно попробуем.

«В основном, – подумала Тамара после нескольких этапов шопинга и финальной ревизии, – у нас получилось».

Новая работа нашла ее сама в течение двух месяцев, которые Тамара выделила себе на перезагрузку. В то время процесс еще не имел названия, но позже она поняла, что именно ее она себе и устроила, и провела с удивительной последовательностью и неослабевающим напором.

Она жила с ощущением, что необходимо постоянно продолжать двигаться, поддерживать это устремление вперед, потому что, если она

остановится хоть на секунду, если отвлечется на мгновение, то уже не сможет вернуться в строй, а откатится назад в пропасть депрессии и спящей воли.

Страх упасть назад подталкивал ее в спину, не давая расслабиться, и она была ему за это благодарна.

Новая работа, помимо достойной ее зарплаты (сами предложили без разговоров, как будто почувствовали, что на меньшее она не пойдет) и удобного расположения, выгодно отличалась от всех предыдущих тем, что начальником у нее была женщина. Они далеко не всегда были согласны друг с другом, и между ними не сложился органичный рабочий тандем, но по крайней мере Тамара была избавлена от необходимости выслушивать тонкие и не очень намеки, что не все ее обязанности прописаны официально в должностной инструкции и не хочет ли она интересным способом заработать сверхурочные. Работать с Галиной было сложно, но Тамара уважала ее как профессионала, и это было гораздо более ценно.

Конечно, были еще коллеги-мужчины, директора отделов на параллельных с ней позициях, но ее новый имидж или, скорее, новая внутренняя осознанность и уверенность помогали ей без усилий удерживать нежелательные порывы на расстоянии вытянутой руки. Взгляды следовали за ней постоянно, но правила игры поменялись. Вместо «Твоя по требованию» ее сигнал изменился на «Смотри, но не трогай» и «Только по приглашению». Первые несколько недель у нее то и дело дух захватывало от такой реакции, и никак не верилось. В голове крутилась веселая мысль: «А что, так можно было?»

Вместо мужчин, по определению считавших ее своей собственностью, ее внезапно окружали мужчины, стремившиеся всеми силами заслужить ее внимание и одобрение – добиться того самого приглашения. Приглашения, к слову сказать, Тамара раздавала, не стесняясь, когда очередной претендент казался ей интересным. Но тут вскоре вскрылась новая проблема. Ни один из них не хотел ее отпускать. Впервые в жизни ей закатывали сцены ревности – и не только в отношении мужчин, к которым она проявляла хоть малейшее внимание. Ее любовники не хотели ее делить ни с работой, ни даже с тем временем, которое она посвящала уединению и йоге.

– Зачем тебе растягиваться, ты и так красивая? – недоумевал Саша, когда Тамара, не дожидаясь утра, попросила его уехать. – Я думал, завтраком меня накормишь.

Тамара вздернула бровь.

– Я не кухарка.

Он обнял ее за талию, провел губами по шее.

– Ну, выйдем куда-нибудь, я ж не о том...

Она поцеловала его долго, дразняще-грязно, как будто не было предыдущих пяти часов, проведенных вместе – пяти очень, очень интересных часов, от которых завтра будет приятно ломить все тело, и отстранилась решительно, как будто переключив режим.

– Утра только мои, – сказала она, глядя в замутненные желанием глаза. – Тебе пора.

Такие лица бывают у людей, внезапно трезвеющих в разгар шумной деревенской свадьбы – изумление, смешанное с неверием, потом шокированное осознание, что все сказанное – правда. Тамара ждала реакции спокойно. Если человек не мог этого принять, их встреча была последней, хоть он и не знал об этом. Если же мог, все получалось очень приятно для них обоих. По крайней мере, до тех пор пока он не начинал заводить разговоры про «Пора съезжаться». После этого расставание было окончательным, без оправданий и объяснений.

Вместо репутации доступной женщины за ней вскоре закрепился бренд холодной стервы, этакой женщины-дракона, которая пожует и без колебаний выплюнет. Но почему-то эта репутация никак не сокращала количество желающих попасться к ней в лапы.

Утра были ее, и она не могла и не хотела это объяснять. Она защищала их с той же яростью, с которой медведица защищает своих детей. Только утром, расстелив коврик, она была собой, настоящей. Только здесь не было зрителей, чье внимание всегда оценивало, всегда преследовало какую-то цель. Только здесь она отчетливо слышала биение собственного сердца в те минуты, когда хватало смелости прислушаться.

Ей нравилось вытягиваться и нравилось подолгу удерживать позы силы, особенно все позы воина. Балансы давались ей легко, и постепенно она начала осваивать сложные балансы на руках с переменной позиций. Время на коврике было время игры, приключений и экспериментов, и она смеялась, теряя равновесие в «Вашистасане» или заставляя танцевать «Позу орла».

Только прогибы, глубокие наклоны назад давались ей с трудом. Тамара их не любила, они служили постоянным напоминанием о том, что в жизни существуют ограничения. Это было ужасно обидно и непонятно. После всей огромной работы над собой, которую она проделала и продолжала делать, после того как мир заработал по ее правилам – как? Как могло подводить собственное тело – первое, над чем она получила контроль?

– Я не вижу какой-то физической проблемы, – сказала ей преподаватель в студии, когда Тамара решила проконсультироваться у нее после класса. – Плечи у вас не зажаты, по крайней мере не сильно. Давайте посмотрим.

Инструктор попросила ее выполнить несколько асан, то фиксируя ее руку, то отпуская, провела по всем вариациям поз «Кобры» и «Сфинкса», пока Тамаре не стало казаться, что спина у нее перманентно выгнута, а плечи забыли, где суставы.

– Зажим? – спросила она, усевшись с облегчением, когда инструктор наконец разрешила.

– Да. Сильный мышечный зажим. На самом деле это хорошие новости, потому что с мышечными зажимами можно работать. Природной гибкости у вас, я по классам вижу, много. Суставы раскрыты и хорошо проворачиваются – широкий диапазон движений у тела. Серьезные мышечные зажимы появляются, когда мы либо постоянно сидим или много стоим неправильно, или почему-то неосознанно напрягаем какую-то зону. – Инструктор задумалась. – У меня была ученица, которая живот всегда держала в напряжении, никак не могла расслабить, даже в шавасане. Не специально, а подсознательно. Сражались мы с ней с этим животом, сражались, а потом поговорили как-то, выяснилось, что она росла в неблагополучной семье. Отец пил и оплеуху мог запросто отвесить, и она привыкла с детства сжиматься. Живот ведь самая уязвимая зона, здесь нет ребер, нет защиты. Вот она и сжимала мышцы пресса и так привыкла, что годы спустя расслабить не могла.

– Так и не может?

– Может теперь, – инструктор кивнула. – Мы с ней на дыхательные практики переключились, абдоминальное дыхание очень помогло и «Надишодана». Не сразу, конечно, но постепенно. Когда приходит осознанность, все можно отпустить.

Тамара задумалась.

– Меня никто в детстве не бил, – сказала она. – Зачем же я сжимаю?

Инструктор улыбнулась с сочувствием.

– Здесь можно по-разному работать. Можно через психологию – понять, от чего вы зону сердца защищаете или где чувствуете угрозу. Но можно и просто через йогу, через практику. Выполняйте больше прогибов, больше практик на раскрытие грудного отдела. Я советую через практику попробовать, потому что психология, она все-таки от ума и через ум работает. А ум – такая штука, в чем угодно себя может убедить, а уж кругами нас водить и вовсе мастер. А тело не лжет, просто работает. Так, может, и медленнее, но точно эффективно.

– Спасибо, – кивнула Тамара. – Я попробую.

Она не сказала инструктору, конечно, от чего прячет сердце. Не потому, что не доверяла, а потому что и сама не хотела об этом думать, признаваться себе самой. Лучше через йогу, подумала она. Медленно, но верно. И когда время придет, она будет готова. В практике часто

было так – она внезапно ставила тебя перед фактом, что ты готов, игнорируя просьбы ума об отсрочке, игнорируя страх. Ты готов – и практика не оставляет тебе шанса отсидеться, остаться на, может быть, не слишком комфортной, но привычной позиции.

Йога, как река, сдвигает с насиженного места даже камни рано или поздно. Для их же блага, разумеется.

И если Тамара выстраивала свои практики так, чтобы прогибов в них было поменьше, стараясь этого как бы не замечать, – рассказывать об этом кому-то было совершенно необязательно.

Они пересеклись в том месте, где рано или поздно встречаются друг с другом все женщины офиса – в женском туалете. При виде Тамары Катя застыла, как пойманный в ловушку зверек, руки замерли, запутавшись в шелковом шарфе, который она никак не могла завязать к своему удовлетворению.

– Добрый день, – поздоровалась она неестественно высоким голосом.

Тамара улыбнулась, стараясь улыбкой передать, что не представляет собой угрозы. Как там говорится про леопарда и его пятна... Эх. Но попробовать стоило.

– Добрый, – сказала она, добавляя мягкости в голос. – Вы Катя, я не ошибаюсь? Наш самый многообещающий аналитик?

Катя вспыхнула, так что веснушки проступили на молочно-белой коже.

– Д-да, – с запинкой ответила она.

– Я Тамара, – Тамара протянула ей руку. – Очень приятно.

Катя только кивнула, отвечая на рукопожатие несмело, потом вдруг сжала пальцы, как будто вспомнила многочисленные статьи о том, каким должно быть рукопожатие. Тамара проглотила улыбку и развернулась к зеркалу, чтобы поправить помаду.

– Как вам на новом месте? Освоились? Или еще не совсем?

Катя неловко пожалала плечами, с видимым усилием возвращаясь к своему шарфику.

– Насколько можно было освоиться за две недели, – сказала она. – Здесь лучше, чем на моей старой работе. Там, конечно, было все знакомо, зато здесь я могу учиться новому. Наверное, не стоило этого говорить, – она покачала головой и скованно улыбнулась. – Работодателю ведь не стоит признаваться, что ты не все знаешь и умеешь.

– Это смотря какому, – спокойно заметила Тамара, аккуратно подправив салфеткой контур губ. – Умный работодатель предпочтет сотрудников, которые никогда не перестают учиться. Меня как раз это и беспокоит больше всего в ваших коллегах. Они давно закончили учиться.

– О. – На лбу у Кати прорезалась беспокойная морщинка. – Нет, они – то есть, они, конечно, эксперты в своей области, но они не останавливаются. У них на следующей неделе новый тренинг.

– Да, потому что HR их туда отправил в приказном порядке. – Тамара засмеялась. – И вы бы видели, как они с пеной у рта доказывали, что он им не нужен.

– О, – снова сказала Катя. – А мне показалось, там такая интересная программа, – растерянно призналась она. – Я бы пошла, если бы была возможность.

– Мы вас направим на этот тренинг отдельно, – сказала Тамара. – Немного позже, когда у вас соберется свой клиентский портфель. Алексей очень верит в образование сотрудников, так что даже не переживайте. От вас не уйдет.

Катю можно было вписать и в эту волну, но Тамара специально попросила HR этого не делать. Чем меньше времени она проводила в подавляющей среде своих непосредственных коллег, тем лучше.

– Правда? – обрадовалась Катя. – Ой, как здорово, спасибо большое!

Она помедлила, прикусила губу, явно уговаривая себя на что-то решиться. Тамара с интересом ждала разрешения внутреннего конфликта, сохраняя нейтрально-приветливый вид.

– Мне очень нравится ваш стиль! – вдруг выпалила Катя и залилась краской пуще прежнего. – Простите, что я так с бухты-баракты... Но мне кажется, мы не всегда говорим это людям. Вы такая стильная, это очень-очень вдохновляет. Я вот пытаюсь, – она кивнула подбородком на свой шарфик, увидела, в какой невообразимый узел он завязался, и засмеялась. – Папа всегда говорил, что у меня грация слона в посудной лавке.

Тамара нахмурилась, убрала помаду в сторону и развернулась к Кате.

– Спасибо вам большое за комплимент, а вот папа ваш не прав, уж извините. Девочкам нельзя такое говорить.

Она решительно отодвинула Катини руки и взялась за шарфик сама. Катя только оторопело на нее смотрела.

– Да нет, он шутит так.

– Не надо так шутить, – сама удивляясь поднявшейся в ней волне возмущения, сказала Тамара, уверенно расправляя концы шарфа и сворачивая широкую петлю. – Если близкие так шутят, пропускайте мимо ушей. А если принимаете на свой счет, то принимайте полностью. Слоны очень даже грациозны в подходящей для них среде, а еще они очень сильные, преданные и добрые. Одной ногой могут раздавить, если что, но никогда специально не затопчут, потому что у них огромное сердце. Хотите быть слоном? Будьте сильной и выносливой, как слон, верной и доброй, и любящей. А посудную лавку пусть ваш папа себе оставит.

Катя засмеялась от удивления и тут же ахнула, развернувшись к зеркалу.

– Ой! Как красиво! Спасибо. – Их глаза встретились в зеркале. – И спасибо. Он всегда что-то такое говорит, да и другие тоже. Я так привыкла, честно говоря, что даже внимания не обращаю.

– Обращаете, к сожалению, – мягко возразила Тамара. – Мы все обращаем. А куда наше внимание направлено, туда и энергия идет. Представьте, что у вас два цветка на окне; один вы поливаете и удобряете, а другой нет – какой вырастет? Конечно, второй цветок может быть от природы стойким и неприхотливым, но рано или поздно при полном недостатке внимания он все-таки погибнет. Так и люди.

Все хотят быть уверенными в себе, а внимание уделяют чему? Критике, негативным комментариям. Кормят их своей энергией, кормят, а потом удивляются, что вместо розы выросло что-то другое.

– Я никогда об этом так не думала, – покачала головой Катя. – Но ведь это правда! Если вдуматься...

Тамара встряхнула головой, мысленно закатив глаза на саму себя. Что на нее нашло? Влезла в чужую жизнь, как будто ее просили.

– Вы меня извините, – сказала она, – что я к вам так, ни с того ни с сего, с лекцией. Просто очень обидно иногда становится со стороны смотреть.

– Нет-нет, что вы! – Катя даже схватила ее за руку. – Я только рада, вы очень правильно все сказали, я даже переварить до сих пор не могу. Вы так много всего знаете, я бы вам деньги платила, чтобы вас послушать, если бы они у меня были. Ой, – смутилась она и снова покраснела. – Ну, я в смысле... Простите. – Она вздохнула. – Вам, наверное, это все говорят.

Тамара посмотрела на нее пристально, не уверенная вдруг, кто сейчас стоит перед ней.

– Нет, – медленно ответила она, и губы против воли изогнулись в усмешке. – Вы не поверите, но не так много людей рвется меня *послушать*.

Они посмотрели друг на друга и внезапно рассмеялись, как школьницы. Стоило только снова встретиться глазами, как смех разбирал заново. У Кати на глазах выступили слезы. Тамара почувствовала, как кровь прилила к щекам, рот сам собой расплывался в улыбке.

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге возникла Алина, посмотрела на них с подозрением и удалилась в кабинку. Катя с Тамарой переглянулись и, едва сдерживая смех и натываясь друг на друга, буквально выпали в коридор. Снова посмотрели друг на друга, постепенно трезвея, но глаза все еще смеялись.

– У меня ланч свободен, – сказала Тамара, прежде чем успела спросить себя, что, собственно, делает. – Составишь компанию?

Катя замерла на секунду, тень прежних сомнений пробежала по лицу, скованность опустилась на плечи. Тамара кивнула про себя, приготовилась к отказу. Но Катя вдруг решительно выпрямила спину и с легким придыханием, как будто прыгая с высоты в воду, сказала:

– Я с удовольствием.

Тамара улыбнулась.

Наташа опаздывала. Наташа опаздывала постоянно, вплоть до того, что друзья и знакомые приучились не ждать ее вовремя и давно перестали злиться. На этот раз, однако, все было куда серьезнее – она опаздывала на родительское собрание в школу. Если и существовал где-то контингент людей, менее склонный прощать человеческие несовершенства, чем сплоченный коллектив родителей, которые потрудились прийти вовремя, Наташа с таким никогда не сталкивалась.

А все потому, что она никак не могла придумать, что надеть. Нужно ведь было выглядеть серьезно, как ответственный родитель, да еще и «в тренде», как успешный взрослый человек. Словом, совсем не как одинокая мать двоих детей, у которой на себя давно не осталось ни времени, ни сил. Вот если бы еще и гордости не осталось, подумала она. Было бы хорошо, можно было бы не волноваться. Можно было бы идти как есть – в растянутых бархатных трениках и свитере якобы оверсайз, но на самом деле снятом с Мишки, с растрепанной головой и без тени грима на лице. С прыщом вот этим над правой бровью, потому что, конечно, сорок лет на носу, почему бы и не прыщ? Прямо между четко прорезавшимися морщинами.

Но дело было не только в гордости, хотя и в ней тоже. В ней – процентов на пятьдесят, потому что будут там, конечно, эти две курицы, мать Оверченко и мать этого хулигана Зорькина, которые на собрания в принципе ходят, только чтобы было, кому кости перемыть. Наташа была их любимой жертвой, потому что имела неудобную привычку говорить в глаза что думает и как-то заявила одной, что, если ее сынок еще хоть раз подкатит к ее, Наташи, дочери со своими пошлыми записками, то она, Наташа, совершенно не постесняется залепить ему в глаз, раз у родителей руки не доходят. Зорькина, понятно, на нее ополчилась, хотя сказать было нечего, записки обнаружила классная руководительница, тут не отопрешься. Оверченко встала с ней плечом к плечу из солидарности, и с тех пор Наташе от них совершенно не было житья. Она, впрочем, ни в чем не раскаивалась. Ника успеет, конечно, еще и не такого послушаться, от всего не убережешь, но пока Наташа могла, она будет защищать детей до последнего. Родители не всемогущи – да что там, практически бессильны со всеми этими гаджетами и интернетами, но это не значит, что надо перестать пытаться. Нет, Наташа ни о чем не жалела.

Но прийти в откровенном раздрае – значило отдать победу в руки этих сплетниц. У них-то времени хватало всегда и на маникюр, и на стрижку, и белье им домработница гладит. При таком раскладе нос воротить легко, и Наташа еще до старта проигрывала, но почему-то не могла сдаться. Это было хуже пошлых записок, это значило через себя переступить. Нет уж.

К тому же была и другая причина постараться выглядеть прилично. Ведь придет и отец Никитина, Александр, и вот перед ним-то совсем не хотелось падать в грязь лицом. Не то чтобы Наташа лелеяла надежду, что что-то у них там получится. Когда тебе почти сорок и ты давно не

видела собственную талию, а обувь покупаешь исключительно по соображениям комфорта, тут с надеждами становится туговато. Но неистребимо, черт возьми, было это желание покрутить хвостом и расправить перышки. Как вертелась перед мальчишками в пятнадцать, так, если честно, ничего не поменялось, только приоритеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.